

18+

ПАВЕЛ СИЛЬЧЕВ

Сколько себя ПОМНЮ...

ТОМ ВТОРОЙ. ХРОНИКИ
НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Павел Сильчев
Сколько себя помню...
Том второй. Хроники
неорганической жизни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68766735
ISBN 9785005946614*

Аннотация

Умирая, он становится сильнее, отбирая, он преумножает, поглощая, он распространяет свое влияние. Его невозможно убить, но возможно ли его подчинить? От него не избавиться, но может стоит с ним подружиться? А если ты без него жить не можешь, тогда женись на нем!

Содержание

Охотник	5
Казер	14
Стейниц	23
Налетчики	33
Коко	42
Убраться с планеты	53
Новый опыт	73
В смертельной опасности	83
Снова на Земле	93
Армейские радости	102
Пришелец	112
Пограничный патруль	118
Лесное сражение	123
Город Гох	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Сколько себя помню...
Том второй. Хроники
неорганической жизни
Павел Сильчев

© Павел Сильчев, 2023

ISBN 978-5-0059-4661-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-4660-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОХОТНИК

– Для вольных охотников, как говорится, настали благодатные дни. Помнится, мой прадед рассказывал, что им приходилось чаще довольствоваться обыкновенной контрабандой, да частным извозом которой порой даже топлива не покрывал. И хорошо, если у тебя добротный корабль, а если дрова, то амортизация съест любую прибыль. Конкуренция была жесткой. Теперь же каждый из нас может заниматься тем, чем душа пожелает. Хочешь, пирогалиев отлавливай, хочешь, телепатов. На тебепатов так сейчас вообще бум. В прошлом месяце я одного выследил, так сразу налом полмиллиона кредитов отхватил. Тут же и корабль подновил, и экипировку..Моему деду пришлось бы за такие деньги год горбатиться, а я буквально за пару дней срубил. Повезло, скажешь? Пусть так! Мне и сегодня повезет. На эту тороидянку мне наводку еще на Голубусе подкинули. Работает, типа, в одной забегаловке тороидянка-телепатка на Икс-35. Думаю, при случае обязательно надо проверить. Пробил по базе все харчевни, удаленно само-собой. Тороидянка только в одном зарегистрирована. Вот и все дела. Никакого расследования, раз, и дело в шляпе.

Я вынужден был выслушивать эту болтовню только потому, что ждать на корабле, пока закончится заправка и прокачка, было скучно, а Теди так любезно пригласил меня ото-

бедать с ним в местной харчевне за его счет. Это было заманчиво, особенно последнее обстоятельство. Все потому, что своих денег я еще не зарабатывал, а те копейки, что остались от стипендии после оплаты проезда до Альдебарана этому трепачу, надо было экономить всеми силами. Жизнь на Альдебаране, говорят, очень дорогая, а до первой зарплаты мне еще жить целый месяц. Так что, поесть нормальной горячей еды мне может еще не скоро представится возможность.

Мы мчались на его крутом вездеходе по сельской местности с такой скоростью, что я временами забывал, как дышать. Особенно, когда он чуть не снес пару коттеджей на вираже.

Но Теди эти мелочи не смущали, он все время еще и говорил. И непонятно было, где в его словах правда, а где ложь. Если верить каждому слову этого прохвоста, то можно подумывать, что я зря оканчивал медицинскую школу с отличием, и напрасно согласился на уникальное предложение работать в одной из крупнейших столиц Вселенной, а надо было становиться вольным охотником, как он, и грести деньги лопатой, не переставая при этом приключаться и купаться в романтических историях.

Но тема телепатии для него была этаким кумиром. О них он мог говорить нескончаемо долго. Он выучил название сотен рас, среди которых хоть изредка встречаются ментальные мутации. Сегодня ведь наука знает несколько видов мутаций, которые так или иначе подходят под определение телепатии. Но для него все это неважно. Пустое для него и ча-

стота подобных аномалий. У некоторых рас она встречается одна на сто миллионов. Но попробуйте объяснить шансы охотнику за сокровищами, который ищет золото потерянное в океане. Они получают удовольствие в самом процессе, а найдут или нет, это уже не так важно.

Возможно, Теди действительно подфартило, и поэтому он заболел своей телепатической лихорадкой. Но серьезно полагать, что он найдет, а тем более поймает телепата в этой заправочной дыре, где здравомыслящие существа задерживаются только на время дозаправки, было просто ребячеством.

– Вот ты, Мало, – доктор, – продолжал он свой монолог.

– Врач, – поправил я его.

– А какая разница? – на полном серьезе удивился он.

Ну надо же, какой же он дремучий тупица!

– Доктором может быть и профессор математики, а врачом только целитель, – снисходительно пояснил я.

Он слушал внимательно, но на лице его не проступило и тени понимания вопроса, даже после моего пояснения.

– А, – натянуто кивнул он, и продолжил, – вот ты, Мало, врач. А сколько сегодня получают за работу врачи?

– Смотря где.

– Там, где ты работаешь.

Для него это была легкая беседа, но мне неприятно было ему рассказывать, что я еще только лечу по направлению, и ни дня не работал. Мне почему-то казалось, что он непременно посмеется надо мной. А я человек очень чувствитель-

ный до насмешек.

– Кредитов сто в месяц.

– Это полторы тысячи в год?! – Хохотнул он.

Мне стало неприятно, хотя понятия не имел, сколько буду зарабатывать.

– Вот что я тебе скажу, малый. Бросай ты эту идею, и присоединяйся. Мне давно уже нужен помощник толковый. Буду тебе пять тысяч в год платить, плюс проценты от сделок.

Я догадывался, что пойдет подобный разговор. Обычно болтунам приходится по душе люди молчаливые, вроде меня. Но он думает, что кроме денег во Вселенной нет ничего интересного.

– Я хочу карьеру врача сделать, – признался я, – для меня деньги не главное.

– Честолюбие. Понимаю. В молодости у меня тоже бывали порывы, но не сложилось. А теперь я даже рад...

На горизонте появилась группа строений.

– А вот и наша забегаловка. Надеюсь, тут подают хороший обед, потому что лететь сюда пришлось добрых полчаса, а внешний вид совсем не внушает доверия.

Эти кантри-харчевни по-над центральными магистралями периферических планет все на одно лицо. Все та же покоцанная вывески, все те же маленькие оконца и неизменная простая деревянная дверь. В этом случае дверь оказалась плетеная. Что естественно свидетельствовало не в пользу заведения.

Теди, возбужденный предвкушениями, выскочил из машины, словно по нужде, а у самой двери решил все-таки меня подождать. Вышло немного комично.

Мы вошли в сумрачное заведение не спеша. Надо было чтобы глаза немного привыкли после яркого света. На это и было рассчитано. Пока клиенты привыкнуть к освещению, хозяева уже рассмотрят вошедших, и примут соответствующие решения.

Мы с Теди выглядели должно быть достаточно презентабельно, чтобы хозяйка сама вышла к нам на встречу с дежурной улыбкой на широком круглом лице.

– Добро пожаловать, господа хорошие, – затараторила она елеиным голоском, – не видела вас прежде, вы у нас впервые?

Я рефлексивно кивнул, отвечая на ее вопрос. Теди даже не намеревался вступать в дежурные разговоры, а пользовался временем, чтобы лучше осмотреться, наверное, сразу хотел найти тороидянку. Но тороидяне отличаются от нас только зеленой кожей, так что с расстояния, да еще в затемненном помещении, на это нечего было рассчитывать.

– В таком случае, разрешите предложить вам лучший столик в нашем ресторане, вон там у стойки. Ближе к еде и напиткам, больше света, быстрее обслуживание, – продолжала лепетать толстуха.

При упоминании о ресторане, я чуть не прыснул, только привитые с детства такт и сдержанность уберегли меня

от этого.

Теди, не обращая на тетку внимания, медленно проследовал до предложенного столика.

Мы с хозяйкой следовали за ним по пятам.

– Ваш друг не слишком разговорчив, – продолжила она диалог, по видимому, со мной.

Я тоже пока не произнес ни слова, но ее это не особенно смущало. Она была достаточно опытка, чтобы понимать, если господа вошли, значит, что-то возьмут.

В заведении кроме нас почти никого не было. Какой-то седой старик в углу тихо беседовал с пацаном и уставшая молодая женщина допивала свой сухой бокал после бурно ночной смены.

– Мы намерены нехило подкрепиться, хозяйка, – бросил воздух Теди и выложил на барную стойку новенький имперский кредит.

Как только женщина увидела валюту, тут же оживилась.

– Мاسя! Кузя! Несите все фирменное! – Завопила неожиданно она, – не волнуйтесь, господа хорошие, обслужим вас по высшему классу.

На кухне загремела посуда, загудел огонь, зашкварчали сковородки. Все тут же оживилось, заработало.

Удивительно, что порой делает один только вид денег. Хотя их понять можно. Не каждый день к ним наведываются гости из космоса. По большей части им приходится довольствоваться проезжающими, да рабочими с ближайшей

шахты, которые за гроши работаю насмерть и, конечно же, неохотно расстаются со своими кровными.

На удивление скоро на столе оказалась добротная горячая еда. Я тут же принялся ее поглощать, не обращая внимания, на беспокойство Теди.

Он не мог нормально поесть, получить удовольствие, потому что его изнутри сжигала страсть. Он был на охоте, а зверь не шел на приманку. Зеленокожей нигде не было видно. Толи она работала исключительно на кухне, толи просто старалась меньше мозолить людям глаза, но ее не было.

Когда подавали второе, суежилась все та же полногрудая девчонка. Она с каждой ходкой из кухни заискивающе заглядывала нам в глаза, ни дадим ли ей чаевых.

Наконец, Теди обратил на нее внимание и неожиданно сгрел ее себе на колено. Она привычным движением обвила его шею пухленькой ручкой.

– Привет, дорогуша.

– Привет, красавчик, – блеснула она кривыми зубками.

Теди незаметно вложил ей в ладошку большую монету.

– Что желает мой господин? – тут же шепнула она.

– Извини, милая, но я предпочитаю экзотику. Говорят тут есть горячая зеленокровка, – и Теди мечтательно подкатил глаза.

Девушка тут же изменилась в лице. Она медленно встала и удалилась с оскорбленным видом.

Но Теди знал, что монета сработала, в подобных заведе-

ниях не берут денег просто так. Ведь если он пожалуется хозяйке, девчонку могут выгнать, так как клиент всегда прав и должен уходить из заведения полностью удовлетворенным.

Через бесконечную минуту из кухни вышла худенькая зеленокожая девочка, видимо, еще подросток.

Теди аж слюни пустил, когда ее увидел. Он красноречиво похлопал себя по коленке, и она медленно подошла и скромно присела, как на краешек стула.

Во время моей учебы мне много приходилось слышать разного про монстров телепатов. Всякое разное про их скрытые возможности, про внезапные смерти от их телепатических ударов, но эта жертва современных преследований не выглядела такой уж могущественной. Скорее это было напуганный ребенок.

Теди же смотрел на нее, как на мешок с деньгами.

Ей было неудобно, так скромно сидеть на его коленке и пришлось рукой придерживаться за край стола.

Теди взял в руку столовый нож, взял его совершенно безобидным жестом, но девчонка жутко испугалась и отдернула руку от стола. В следующее мгновение на ее шее защелкнулся магнитный обруч, такие часто используют для удержания рабов на планетах, где рабство все еще в чести.

И тут нас накрыл ментальный удар. Меня словно камнем по голове хватили. В глазах все потемнело, мир покачнулся, но не погас, как бывает при травмах. Все быстро вернулось в норму.

Я проморгался. Девчонка лежала на полу и корчилась от недостатка воздуха. Сработал магнитный обруч на агрессию против хозяина.

Встревоженная хозяйка появилась в зале. Она уверенно шагнула вперед, но Теди выхватил из кобуры бластер и направил ей прямо в грудь. Вид оружия тут же охладил ее пыл.

– Что вы делаете? – сдержанно потребовала она объяснений.

– Она телепат, а значит, преступница. А я вольный охотник, значит, представитель закона. Я арестую ее и перевезу в столицу, а там уж решат, что с нею делать.

Старик с мальчонкой испуганно затихли. Женщина с бокалом исчезла. Хозяйка нервно мяла в руках полотенце и бессильно переминалась с ноги на ногу.

Когда девчонка отключилась, магнитный обруч расслабился, и она задышала.

Теди бесцеремонно перекинул ребенка через плечо, и направился к выходу.

– Спасибо за обед, – бросил он на ходу и вышел.

Я поспешил за ним, потому что чувствовал себя крайне неловко. Как-то это было слишком! От этого происшествия теперь на душе кошки скребли. Надо было остаться на корабле.

Казер

Казер – самая богатая планета в системе Фамальгаута, а возможно, не только в этой системе.

Все дело в том, что именно тут обитают боги этой галактики. Что там, в других галактиках, творится, этого мы не знаем, а тут они правят бал. Казер прошла искусственную терраформацию совсем недавно, зато выполнена она была по самым высоким стандартам современной науки.

Боги принесли на эту планету трансмутацию вещества, так что необходимость в полезных ископаемых отпала совершенно. Одно тут делается из другого, поэтому деньги или золото тут ценятся не более чем гранит или мрамор. Бесплатное жилье, пропитание, одежда и т. д. предлагается населению планеты в любых количествах без всякой платы. Единственное условие – все члены общества должны приносить пользу обществу, работой то или искусством.

Однако блага эти доступны только лишь коренному населению планеты, которое укоренялось тут сразу после терраформации, и строило попутно города и дороги.

Стать же гражданином этой планеты очень сложно. Если ты не обладатель очень ценной профессии, то ни деньги, ни связи тебе в этом не помогут.

Боги позаботились о процветании своего мира не столько по доброте душевной, сколько и тщеславия. Всякий, попада-

ющий сюда, скажет, что с этим миром что-то не так. Слишком все хорошо, жди подвоха.

Стейниц быстрым шагом двигался по хрустальной подвесной дороге, обгоняя редких прохожих и не сворачивая ни направо, ни налево. Его цель была недалеко, поэтому он предпочел пройти пешком. Ему иногда нравилось пройти, для разнообразия.

Впереди уже маячил широкий проход во дворец-скинию. Возле этих ворот, по обыкновению, никого не было. Люди старались избегать это страшное и прекрасное место, потому что большинству нравится жизнь размеренная и без излишеств. А тут жили боги, которым все подвластно.

Но Стейниц был непростой посетитель скинии. Он был одним из Них. И хорошо, что рядовые жители об этом не знали. Ему не хотелось, чтобы его узнавал каждый встречный, не из природной скромности, а скорее по причине любви к покою и ненависти к популярности. Он знал, что те же люди, что сегодня стелят перед тобой пальмовые листья, завтра будут кричать «распни его!»

Он спокойно вошел в тень под арочные своды и поднялся в палас по широкой алмазной лестнице.

Алмазной ее называли потому, что сделана она была из графита в его прозрачной ипостаси.

Да и весь дворец был построен из прозрачных материалов, так что выглядело все тут очень эффектно.

Конечно, как и все в этом мире, поразительное поража-

ет только какое-то время, а потом становится обыденным. Некоторые роскошные вещи уже не настолько хороши, как это было поначалу, потому что роскошь часто не сочетается с практичностью.

Отец уже вышел его встречать. Он, неподвижный, как изваяние, стоял на террасе, заложив руки за спину. Стейниц подошел к нему вплотную и нежно обнял старика.

– Ты задержался, – как-то равнодушно констатировал отец.

– На Кладринии, кажется, это был он. Очень сильный телепат, но я его не смог рассмотреть. Возможно, он подавлял меня, и я решил зачистить периметр.

– Уверен, что он не выбрался?

– Взял пошире, на всякий случай.

– Очень хорошо.

Они несколько минут полюбовались девственной природой вокруг дворца.

– Пришли данные по некоторым отдаленным планетам. Империя считает, что некоторые из них могут быть полностью заселены существами с телепатическими способностями. Такого мы еще не встречали, – отец решил, что эта новость в приоритете, и наклонился к сыну. – Надо бы их зачистить.

– Зачистить? – Удивился Стейниц. – Пап, это же геноцид! Зачистит планету – безумие. Мы тераформируем миры, чтобы населить их многообразной жизнью. Но мы никогда

не зачищали целые планеты от жизни процветающей.

– Когда-то надо начинать наводить порядок, – сухо ответил старик и строго поджал губы.

Они опять немного помолчали. Каждый думал о своем. Они, конечно же, могли общаться мысленно, но никогда этого не делали. Всю жизнь они неизменно уважали личное пространство друг друга, особенно ментальное.

– Ты мне не говорил, почему мы занялись искоренением телепатии в галактике, тогда, как сами обладаем такими же способностями, – решил продолжить тему сын.

Отец долго испытывающе посмотрел в глаза сыну. Было время, когда он выполнял все и без вопросов. Но, очевидно, сын вырос, стал мыслить самостоятельно. Это и хорошо, и плохо.

– Когда в тебе открылся дар, ты должен был отправиться в изоляцию на одну из отдаленных планет, где прожил бы свою жизнь вдали от общения с разумными существами. Но вместо этого мы подавили твое второе я и оставили тебя здесь. Мы изменили традиции, в результате появилось два пророка. Изменился и баланс сил. Я читал об этом в одной очень старой книге. Вселенная будет стремиться выровнять силы, и для этого придет Он. Нострим.

Наш род всегда ненавидел Ностримов. Считалось, что это потому что они паразиты – заселяются в разумных существ и забирают все себе. Однако, я думаю, их ненавидели, потому что они не стареют. Да, носители, по каким-то непонят-

ным причинам перестают стареть, а мы стареем и умираем, как обычные люди.

– Ну, не совсем так, – улыбнулся сын.

– Мы живем дольше, это правда. Но не достаточно долго. А вот они, могут жить вечно. Наши предки хотели выведать их секрет, но они самые сильные телепаты в Галактике, и к ним практически невозможно подобраться незаметно. После нескольких неудачных попыток разразилась война, в которой мы потерпели поражение.

Теперь же, я думаю, не лишним будет попытаться обезопасить себя от его появления. Наше преимущество в том, что мы ощущаем ментальную энергию, как любую другую, и можем помешать им обосноваться у нас под носом. Нам такое соседство не нужно. Мы уже проиграли одну войну, больше такого допускать нельзя. Наш род еле пережил то время.

– Но если их уничтожать, то мы никогда и не узнаем их тайны, может быть надо по-доброму? Никто не пытался с ними дружить?

– С ними невозможно дружить! – Неожиданно повысил голос отец. – Они коварны и злопамятны, а их способность дает им широкий простор для осуществления своих замыслов. Пока Нострим один, его не трудно уничтожить, но стоит ему обрести свою сферу влияния, и он тут же становится во главе компании, как бы велика она ни была.

Стейниц понимающе улыбнулся.

– Ясно, ты переживаешь за свою власть. Опасаешься, что он займет твое место в пантеоне.

– Ты еще слишком молод, чтобы адекватно судить о таких вещах. Прошлый раз они загнали наших предков на планеты без разумной жизни, а сами заняли их место. Тогда, как наши пращуры боролись с сумасшествием одиночества, они наслаждались правлением миром построенным нами.

– В тебе говорят прошлые обиды, да еще не твои, а твоих предков, – он нежно сжал плечи отца, – тебе надо оставить все это, иначе ты сам станешь не лучше этих Ностримов. В тебе уже гнездятся мысли о геноциде целыми планетами. Их питают твои страхи, а не объективные причины. Если ты намерен продолжать свою превентивную стратегию, то мы выследим самых сильных и влиятельных телепатов в среде прочих, и тем обезопасим твою власть от заклятых врагов. Но не нужно превращаться в чудовище. Твой народ тебя боготворит, не забыл? Разоблаченное злодейство не очень подойдет твоему образу. Кроме того, у тебя есть Империя. Пусть они выполняют грязную работу.

Недавно я узнал, что они издали указ запрещающий использование телепатических способностей, а практикующих телепатов отлавливают. Это по твоей инициативе?

Отец сдержанно промолчал, ему почему-то было неловко говорить с сыном об этом.

– Империя так же отлавливает пирогалиев. А эти-то что вам сделали? – Стейниц кисло улыбнулся, ему все это было

совсем не по душе.

Одно дело необходимые жертвы, другое – массовое истребление потенциально опасных существ.

– Пирогалии – неизменные спутники Ностримов, – они испокон веков служат врагу, я даже не знаю почему.

Старик безнадежно махнул рукой, как будто не желает дальше обсуждать эту тему.

– Империя очень ревностно подошла к этой проблеме. Что ты им пообещал? Мне как-то казалось, что у них все есть, и надо сильно постараться, чтобы их так раскачать. Они подключили своих вольных охотников, так эти лицензированные разбойники теперь при легальной работе, всю галактику перевернули. Таким темпом скоро их станет больше, чем имперских истребителей. К ним на службу идет весь сброд. Если теперь открыть охоту на охотников, то в галактике сразу же станет спокойнее.

Старик немного оттаял и даже улыбнулся на последнюю шутку сына.

– Империя бредит гравитационным двигателем. Они естественно мечтают ускорить свою экспансию, и не только в нашей галактике. Но без подобной технологии это невозможно. Я сказал, что попытаюсь решить их проблему, если они помогут мне решить мою.

Стейниц понимающе кивнул. Но понял, что отец не закончил, и промолчал.

– Мы используем гравитацию благодаря своим способно-

стям, а не научному знанию, но сеть один вид, который уже давно пользуется этой технологией, но им успешно удастся сохранить ее в тайне. Эта тема у ним возведена буквально в религию. Так что эта задача не из легких. Думаю, только тебе под силу с ней справиться.

– Почему Империя не может с этим разобраться?

– Потому что торги, так зовет себя эта раса негуманоидов, хранят всю информацию на своих планетах, и никогда не вывозят ее за пределы системы. Но никто кроме них не знает, где эта система находится.

Сын недоверчиво усмехнулся.

– У Империи везде свои глаза и уши. И они не могут найти целую звездную систему?

– Торги живут очень далеко. Мы даже не знаем насколько далеко. Империи пришлось бы добираться до них сотни лет, если не тысячи. В этом основная проблема. Кроме того, большинство торгов к которым у нас есть доступ никогда не знали даже верного направления к дому. Они ассимилировались среди прочих народов в галактике, но кто из них мог управлять военным кораблем торгов, чтобы знать дорогу домой. Когда-то их вывезли для экономической экспансии, и теперь они живут среди нас, но толку от них никакого. Чтобы добраться до них, даже с нашими способностями, необходимо отыскать торгового знаниями навигации и проникнуть к ним на планеты, чтобы разобраться что к чему.

– Хорошо, отец. Если ты этого хочешь, то я сделаю это

для тебя. Но прошу, потерпи с геноцидом. Когда я вернуть, мы обязательно разберемся со всеми твоими врагами, но потихому. Хорошо.

Отец нехотя кивнул.

– Отлично. Значит, завтра займусь торгами.

Он уверенно повернулся и оставил отца одного у граненой балюстрады. Тот продолжал неподвижно стоять на том же месте, погруженный в свои беспокойные мысли.

С этим надо было что-то делать. Иначе отец сойдет с ума от этих тяжелых мыслей. Надо будет его как-то развлечь, при случае.

Стейниц

Прогулочный крейсер премиум класса деликатно опустился на элитную парковку. Для таких кораблей на Альдебаране 1 предусмотрены специальные протоколы. Прямо сейчас на орбите планеты мотаются сотни кораблей, ожидающих своей очереди, чтобы иметь честь посетить одну из великих столиц современных миров.

Первая планета Альдебарана – очень суетное место, поэтому Стейниц предпочитал обходить это место стороной, по крайней мере, когда это удобно. Но не сегодня. Если у тебя в планах найти нечто ценное или редкое, что часто одно и то же, то тебе прямая дорога на Альдебаран. Сюда слетается народ со всех цивилизованных миров, и нигде в другом месте не встретишь такого разнообразия рас.

Одни летят сюда, чтобы что-то продать, другие купить нечто, а есть и те, кто хочет найти работу в самом центре мира.

Статный молодой человек в черном кожаном плаще, с аккуратно подстриженной бородкой, густыми бровями и выразительными карими глазами, невозмутимо покинул свой элитный транспорт и неторопливым шагом направился в здание космопорта

Он мог выйти особым выходом, но решил пройтись там, где ходят обычные смертные. В этом был особый смысл. Сре-

ди встречающих и провожающих часто были и те, кто надеялся нелегально найти тут работу, и сэкономить на пошлине. Это было незаконно, и наказывали за это как работников, так и работодателей, но нелегальщину это остановить не могло, по причине очень высоких пошлин.

Некоторые соискатели так долго ждали своей удачи пытаясь найти работу легальным способом, что у них просто не осталось средств, чтобы дальше платить бирже труда. Тут, у турникета, осталась их единственная надежда.

Обо всем этом Стейниц узнал из сети, пока летел сюда. Конечно, он мог добраться сюда простым способом и гораздо быстрее, но человек, спустившийся на планету прямо из космоса, мог вызвать слишком большой интерес к своей персоне. По этой причине пришлось выбрать такой тривиальный способ.

Так же у него было время узнать все, что можно было найти в сети про торгов. Теперь он знал, как они выглядят, что предпочитают на обед, как размножаются, и еще многое другое, однако почти ничего полезного.

У турникета оказалось совсем немного народу, по большей части гуманоиды, парочка триплоидов, один голодный на вид бракс и все. Никаких торгов. Ну, что же, стоило попытаться.

Стейниц отрабатывал пункты своего плана один за другим, так что первая неудача не стоила ничего. Он размерено пересек большое фойе и вышел к площади.

Опытные таксисты тут же определили по одежде его статус, и перед ним остановился шикарный лимузин. Не оставившаяся, он грациозно скользнул внутрь салона, дверь тихо закрылась и они тронулись.

– Куда едем? – Прозвучал дежурный вопрос электронным голосом.

Молодой водитель заискивающе улыбнулся пассажиру, он действительно надеялся произвести на клиентов впечатление своей выдумкой, записать дежурный вопрос на электронный носитель. Подобное ребячество могло стоить этому олуху работы, но он этого не понимал. Принципиальный пассажир элитного общества мог пожаловаться на него, и его лишили бы лицензии.

Стейниц снисходительно улыбнулся водителю и незаметно испортил носитель, так чтобы он уже никогда не мог произносить ничего своим электронным голосом.

– В центральное отделение биржи труда, – ответил между тем он.

Этот ответ явно обескуражил молодого человека за рулем. Ему, очевидно, еще не приходилось возить пассажиров на биржу труда на лимузине. Видимо, Стейниц совсем не был похож на человека ищущего работу.

Но тут он поступил более профессионально, не стал переспрашивать, хоть это было у него на уме, по лицу было видно.

Машина медленно поплыла все ускоряясь.

Стейниц наслаждался возможностью побыть простым человеком. Это такое счастье, использовать только физическое тело, не преобразовывать энергию, не создавать элементы, а медленно двигаться в пространстве используя только мышечную силу. От рождения он был наделен теми способностями, которые не делали его счастливым. Ему нравилось просто жить, просто общаться с разумными существами, но на это было так мало времени. Всегда находилось какое-то важное дело, которое было невысказано завершить без сверхспособностей.

Первая планета была очень густо заселена. Толпы народа на улицах городов бывали настолько плотными, что двигаться в них пешком можно было только по правилам пешеходов, которые надо было обязательно выучить и сдать, чтобы получить право передвигаться по городам пешком.

Это правило не распространялось на элитную публику, которая путешествовала исключительно транспортом. Иметь машину тут был дорогим удовольствием, поэтому большинство жителей передвигались пешком, а на дорогах не было пробок, хоть транспорта все равно было много. Столица стягивала на себя большие потоки финансов, и тут было много богачей.

От этой пестроты за окном лимузина Стейница немного мутило. Он не привык к таким каледоскопическим декорациям.

Биржа труда оказалась большим несуразным зданием се-

рого цвета. Стейниц расплатился с водителем и двинулся к дверям здания. На крыльце и перед самим зданием столпилось множество народу, как он понял, соискатели, которые по причине огромных очередей, не поместились в коридорах здания и поэтому вышли наружу ждать своего часа.

Какой-то разносчик газет, мальчонка лет четырнадцати, чуть не сбил его с ног. Стейниц предполагал, что пока он преодолевал пять метров до дверей, то нарушил десятка два правил пешеходов. Это было заметно, по суровым взглядам окружающих, которых бесили подобные маменькины сынки, покупающие права, а в голове не имеющие ничего.

Стейниц чувствовал некоторые мысли, хотя старался отстраняться от окружающих, потому что их было слишком много.

Наконец, он вошел внутрь, и уличная суета осталась за деревянными дверями. Народу тут было еще больше, нежели снаружи. Но эти были больше сосредоточены, меньше обращали внимание на окружающих, и он почти беспрепятственно продвигался все дальше, читая на дверях вывески сумбурного содержания, по которым едва ли можно было составить мнение, чем занимаются чиновники, находящиеся внутри.

Эти бесплодные усилия начинали раздражать. Продвигаться в плотной толпе было совсем непросто, но бессмысленно мотаться туда-сюда еще и нелепо. Надо было что-то делать, и он решил заглянуть за ближайшую дверь. Он взял-

ся за ручку двери с надписью «Инспектор 78 про», и уверенно вошел внутрь, под бурное негодование очереди за спиной.

Полная и румяная женщина в кресле инспектора деловито вносила данные, которые ей диктовал потертого вида мужичок.

Она заметила краем глаза движение у двери и привычно отреагировала сгустком негативной энергии.

– Выйдите, немедленно! Пока я не скажу «входите!», пусть никто не заходит.

Стейниц перехватил негативную энергию и преобразовал ее в доброжелательность, чтобы рассеять в помещении. Тут сразу стало уютнее.

– Молодой человек! Вы меня плохо расслышали?! – Еще громче рявкнула она.

Стейницу почему-то быстро наскучило это маленькое приключение с крупной женщиной, и он решил больше не играть. Он глянул ей в глаза, нащупал ее сознание, среди великого множества вокруг, и стал ей внушать.

– Мне нужен новый навигатор. Я хочу, чтобы это был обязательно торг. Итак, торг-навигатор. Когда найдете, свяжитесь со мной по этому номеру.

Он протянул ей визитку. Она заморожено взяла ее и кивнула в знак согласия.

– Приступайте, – повелел он и вышел.

Теперь она не успокоится, пока не выполнит установку. Осталось только подождать результатов. Надо полагать, что

столица не кишит торгами и к тому же навигаторами, но если они есть, то она их найдет.

На ожидание в его плане было выделено три дня. Если за три дня не будет результатов, то он отправится на вторую планету, затем на третью. Где-то ему обязательно улыбнется удача.

Но сидеть без дела он, конечно же, не собирался. Было еще несколько идей, которые могли выстрелить в его случае. Он не без труда выбрался на крыльцо, достал коммуникатор и вызвал такси.

Поблизости не оказалось ни одной подходящей машины, потому что лимузины обыкновенно не забираются в этот район. Тут часто ошиваются разные оборванцы, которые не прочь пощипать таких хлыщей.

Его задержка на крыльце вызвала интерес у публики. Чьи-то глаза зацепились за кожаный плащ и дорогую обувь, и отвязные парни неподалеку прервали свой обычный гвалт, и стали нескромно разглядывать необычного посетителя биржи.

Ясно, что людям его сословия нет нужды приходить сюда самостоятельно, для этого существуют запросы по сети. Но Стейниц не хотел рисковать, он должен был быть уверен, что работник биржи сделает все и быстро, но без установки это вряд ли возможно.

Ожидание такси затянулось. Группа парней неподалеку стала неприкрыто обсуждать его внешний вид, и интерес

к нему возрастал стремительно.

Стейниц поморщился. Применять телепатию или гипноз, местные вряд ли отличат одно от другого, было в столице верхом дерзости. Это могло наделать слишком много шума. Но защищаться, скорее всего, придется. Он быстро перебирал в уме варианты наименее броские и brutальные.

Не прошло и минуты, как один из молодчиков отделился от остальных и развязанной походкой подплыл к незадачливому богатею.

– Как могла такая краля залететь к нам на огонек? – заискивающе поинтересовался небритый молодой человек в поношенном головном уборе.

Стейниц изумленно уставился на это подобие разумного существа. В такие моменты он ощущал в себе отцовские гены, они закипали внутри, и гнев на неверное устройство вселенной поднимался в нем густой пенкой. Это неприятное варево приходилось постоянно помешивать, чтобы не убежало. Но, что-то, а самоконтроль был его сильной стороной.

– Вы что-то хотели? – Невозмутимым голосом поинтересовался он.

– Мне нравятся ваши ботинки, и ваш плащ, и, уверен, ваш кошелек мне тоже подойдет, – с этими словами он вынул откуда-то из штанов небольшой нож и подошел вплотную к человеку в плаще, нарушая его личное пространство. Блестящее лезвие угрожающе вдавилось в кожу плаща.

Стейниц любил этот плащ, и ему не понравилась наглость

этого глупца. Он легонько взялся двумя пальцами за кончик холодного оружия, и оно мгновенно превратилось в пыль и развеялось ветром.

Ни юноше, ни его друзьям еще не приходилось видеть ничего подобного.

– Ты что, блин, сделал?! – Испуганно изумился нападающий и в растерянности отошел на шаг.

В этот самый момент к ним подрулил лимузин, дверь открылась, и пожилой водитель наклонился пониже, чтобы его было видно через проем

– Господин, садитесь скорее, – крикнул он.

Было заметно, как обеспокоен этот водитель.

Но Стейниц не намеревался демонстрировать слабости. В его силах было превратить эту планету в пустыню, и хоть традиционные правила запрещали такие трансформации энергии, он знал, что физически способен на это, поэтому его особенно оскорбляло подобное поведение рода Хомо Сапиенс.

Пришлось несколько секунд интенсивно помешивать, чтобы неразумный гнев не вырвался наружу.

– Мне тоже нравится этот плащ, – наконец, сказал он все тем же невозмутимым тоном и сел в лимузин.

– В космодоки, будьте добры, – обратился он к водителю.

– У вас железные нервы, господин, – улыбнулся в ответ тот и закрыл дверь.

Он не понимал, почему эта шпана не напала на них, ведь

он не видел демонстрации.

Налетчики

В доках работа шла полным ходом. Грузовые корабли приземлялись чуть ли ни каждую минуту. Их спешно разгружали, грузы распределяли и развозили по различным направлениям. Чтобы все это крутилось, необходимо было множество рабочей силы. Тут была просто бездонная пропасть низкооплачиваемой работы. Многие существа, которые имели к космосу хоть отдаленное отношение, помывкавшись в столице, в конце концов устраивались на работу в доки. Работенка, конечно, так себе, но зато все понятно, и многое известно.

Стейниц решил тут прошвырнуться в поисках торгов, которые не ищут работу, но и не прочь эту работу поменять.

Служба безопасности тут была на высоте. Они сразу обратили внимание на приметного человека, что слоняется от одной контейнерной площадки до другой, но задерживать его не стали, резонно полагая, что такой солидный человек вряд ли окажется вором. Но следить за ним не перестали, а напротив, пасли его везде, где он бывал.

А он побывал уже во многих местах. Однако нигде не встречал торгов, а на его вопросы работники неизменно только разводили руками. Большинство из них даже не знали, кто это торги.

Время обеда давно прошло. Пустой желудок подавал

недвусмысленные сигналы. Надо было подкрепиться. Стейниц осмотрелся. Ему на глаза попалась большая рабочая столовая. И хоть время было не особенно подходящим, все же он двинулся в том направлении, небезосновательно полагая, что там найдется для него немного еды.

Внутри столовка оказалась светлым просторным помещением, сплошь заставленным обеденными столиками и с большой раздачей. Путем самообслуживания он наставил себе на поднос различных блюд и предложил вспотевшей кухарке принять плату за еду.

Та нехотя приняла у него деньги. Он догадался, что это не было ее прямой обязанностью, и решил перекинуться с ней парой слов.

– Пахнет замечательно, – кивнул он на еду.

– Ага, – улыбнулась она в ответ.

– Давно тут работаете?

– Пятый год.

– Наверное, многих чудных созданий повидали?

– Да уже, многих, – удивилась она этому вопросу, видимо, тут не принято было обсуждать иные расы.

– Я ищу торга, видели такого, – и он показался фото на коммуникаторе.

Она утвердительно кивнула

– А что он сделал?

– Сделал? – не понял вопроса Стейниц.

– Что натворил? Почему его разыскивают?

– О, нет, дело не в этом. Я не страж порядка. Я работодатель. У меня корабль, а навигатора хорошего нет. Слышал, что торги в этом деле лучшие. Вот ищу теперь такого. Но, оказывается, дело это непростое. Торгов совсем мало.

Женщина убедилась, что я не полицейский и повеселела.

– Да, есть тут у нас один такой. Работает где-то на третьей линии. Большой и лохматый, всегда молчаливый, но поесть вкусно любит. Он там, кажется, на разгрузке, машиной какой-то управляет. Больше про него ничего не знаю. Вам надо самим на третью линию сходить. Можно попробовать с ним поговорить.

– Спасибо, вы даже не представляете, как мне помогли. А возможно и ему.

Он по-быстрому поел и помчался искать эту третью линию.

Все вышло совсем непросто. Линия оказалась далеко, торг был, но настолько стар, что уже совершенно глух. Пришлось приложить усилия даже там, где казалось бы их не должно было быть. Чтобы найти общий язык с торгом пришлось прибегнуть к телепатии, что было рискованно. Стейний не хотел привлекать к себе излишнее внимание и отчаянно старался не использовать способности, однако и это было напрасно. Торг ничего не знал про навигацию, и тем более, про миры торгов. Всю свою сознательную жизнь он провел среди гуманоидов, а своих сородичей встречал крайне редко, всего несколько раз за всю жизнь. О своем

рождении и детстве не помнил совершенно ничего, так что даже телепатия не смогла вытянуть из памяти ничего стоящего.

Разочарованный Стейниц решил объявить себе тайм-аут, а тем временем зарегистрироваться в отеле. Потому что стало ясно, одним днем тут не отделаться.

Отель на первый взгляд казался солидным заведением. Тут возле доков найти нормальный ночлег было большой удачей. В том, что ты никогда не устаешь, есть свои минусы. Совершенно нет потребности во сне, однако Стейниц любил поспать. Ему был приятен сам процесс, тогда он чувствовал себя человеком на все сто. И что ни говори, сон придавал ему столько энергии, не физической, конечно, но эмоциональной. Отец всегда считал это слабостью, и твердил, что когда-нибудь эта дурная привычка выйдет ему боком. Но до сих пор все было хорошо, и Стейницу эти опасения казались бредом.

Но сразу после заселения в номер стали происходить неприятности. Сначала ультразвуковой душ сломался и запищал так, что чуть не оглушил его. Потом генератор пищи отказался производить тосты, и после долгих бесплодных попыток, выяснилось, что он выдает только зеленый чай. Когда он решил вызвать техника, коммутатор отказался вызывать консьержа, а спускаться на двадцать этажей, чтобы решить эти вопросы на ресепшине ему не хотелось. Пришлось лечь спать с неудовлетворенным чувством.

Хотя бы постель была чистой и приятно пахла. Он завернулся в легкое одеяло и прикрыл глаза. Но сон не шел. Стейниц ворочался с боку на бок, время шло, наступила ночь, а он все лежал и не мог заснуть.

Наконец, он задремал, и ему приснился странный сон, будто старый торг с доков со своими дружками пробрался к нему в номер, и намеревался лишить его жизни во время сна.

Он открыл глаза и его взгляд встретился со взглядом старого торго. Стейниц ощутил холодное острие кинжала на своей шее.

– Что вам нужно? – сонно проворчал он.

В комнате кроме торго было еще трое. Он их не видел, но чувствовал их присутствие. Один из них был очень уверен в себе, как бывают уверены люди с оружием рядом с безоружным.

– Только дернись, и ты – труп? – довольно разборчиво пробублькал Торг.

Годы, проведенные среди гуманоидов, не прошли для него даром.

– Там, в доках, вы показались мне совершенно глухим? – Удивился Стейниц, – А меня совсем не просто провести. Вы, сударь, отменный лжец.

– Спасибо. А теперь к делу! Ты скажешь нам номер своего парковочного места и коды доступа к кораблю, а мы оставим тебя в живых.

– С чего мне вам верить? – Усмехнулся Стейниц, и подумал, что наконец-то происходит хоть что-нибудь интересное.

– С того, что у тебя нет другого выхода!

– Тогда с чего вам верить мне? Я ведь могу и солгать.

– Мой друг немножко телепат, он почувствует ложь, – кивнул торг в темноту комнаты.

– Тогда тебе выгоднее и безопаснее было бы сдать твоего друга, а на вырученные деньги купить себе новый корабль, не хуже моего, – улыбнулся удачной мысли Стейниц, и почувствовал, как один из налетчиков заволновался.

Торг коротко подумал над предложением, что само по себе уже забавно, и отрицательно покачал головой.

– Друзей не предаю, – добавил он к жесту, но тот, другой, волноваться не перестал.

Такая простая беседа вдруг вылилась в целый социальный эксперимент.

– Начинай уже говорить, а то у меня заканчивается терпение, – вздрогнул торг и увеличил давление на нож.

Это должно было что-то означать, но Стейниц решил не обращать на это внимания.

– А почему я? Мало тут других толстосумов на хороших кораблях? – Наигранно возмутился он.

Торг недовольно помялся, стоит ли отвечать.

– Ты слишком интересовался торгами, и я понял, что пришло время сваливать. Для этого мне нужен корабль. Почему бы не воспользоваться твоим.

– Что за странная реакция! Торги интересная раса, разве ими больше никто не интересуется?

– Нет, – раздраженно кашлянул он, – потому что нас все ненавидят. Мы слишком другие.

Давление на нож еще усилилось, и Стейниц отметил, что лезвие уже нагрелось от соприкосновения с его кожей и почти не ощущается. Рука торга нервно дрожала.

– Да, что ты с ним болтаешь? Он думает, что мы с ним будем шутки шутить! Пусти ему кровь, для убедительности. Нам уже пора сматываться, – прорычал кто-то в темноте.

– Судя по всему, вы решили не оставлять меня в живых, так почему бы ни сказать мне, кого вы так защищаете? Кто тот торг-навигатор, который мне так нужен, но которого вы почему-то скрываете.

Торг не ожидал такого откровенного разговора и опешил. Лезвие ножа повисло в воздухе.

– Это мой сын, – дрогнувший голосом выдавил он.

Ага, вот она – удача! Его поиски неожиданно привели к цели, главное теперь – ничего не испортить.

– Но у торгов не бывает сыновей, – деланно удивился Стейниц.

– Он мой приемный сын, конечно, – недовольно поморщился торг, – но я люблю его, как родного. Я спас его из разбитого истребителя. Имперцы сбили его якобы за нарушение границ, и в этом крушении он потерял ноги, едва выжил. До сих пор его никто не искал. Я подумал, что опасность

миновала, но сегодня вы нарушили мой покой. Теперь мы улетим с моим сыном, куда глаза глядят на вашем корабле. Вы ведь шпион? Откуда про него узнали?

– Во-первых, я не шпион, – Стейницу почему-то было неприятно, что его приняли за прихвостня империи, – во-вторых, мне просто нужен навигатор для личных целей, а торги, говорят, в этом деле лучшие.

Торг недоверчиво прищурился.

– Давайте так, я беру на работу вашего сына, а Империя про него ничего не узнает, – сделал он дельное предложение.

Сообщники заволновались.

– Не слушай ты этого болтуна! Заболтает, и сдаст нас всех, – рявкнул тот, что с оружием. – Или нам придется заканчивать без тебя.

– Извини, но наш план надежнее, – булькнул торг и нажал на нож.

Раздался неприятный звук металла о металл, и острая кромка ножа стала мелко крошиться о кожу на шее.

Торг удивленно уставился на испорченный клинок.

– Это же лигийская сталь!

Стейниц понял, что пора заканчивать этот спектакль и сел на кровати.

Нервный дружок поднял на него атомный пистолет. Таими уже лет сто никто не пользуется.

– Мощная штука, – прокомментировал это движение Стейниц и заправил дуло оружия изнутри, – Не вздумай

стрелять, взрыв атомной пули может повредить твоим друзьям.

– Для не шпиона ты слишком хорошо разбираешься в оружии, – злобно прохрипел тот и нажал на спуск.

Принимая во внимание их план, это был очень опрометчивый, импульсивный поступок.

Атомный заряд вместе с пулей сдетонировал внутри оружия, произошел мощный взрыв. Владелец оружия выбил собой пуленепробиваемое стекло и вылетел наружу. Сработала пожарная тревога. Оглушенные налетчики пытались подняться с пола, но не могли.

Стейниц быстро одевался. Надо было спешить. Группа быстрого реагирования уже в пути. Если они не успеют скрыться, весь план может пойти насмарку.

Коко

Между Сциллой и Харибдой это всегда сложно. С одной стороны правоохранительные органы, а с другой несколько преступников, и мне нужна, по крайней мере, одна из их жизней. Старый торг, его потерять было ни в коем случае нельзя.

С улицы доносились звуки приближающихся сирен. Еще немного, несколько секунд, в лучшем случае минут, и здание обложат, тогда выйти будет намного сложнее. Но как нам спуститься с двадцатого этажа, чтобы гарантированно не встретиться на выходе с полицией?

Обычный путь на лифте выглядел совсем ненадежно. Я подошел к окну и глянул вниз. Как раз ко входу подруливала пожарная машина. Они так же, как и полиция, выехали по тревоге, но оказались проворнее.

Это уравнение никак не решалось, и на этот случай у меня было средство. Надо было добавить переменных. Одной рукой я подхватил торга и потащил его к выходу из номера. Другая нужна была для открывания дверей и иных возможных нужд.

Ох, и тяжелый же был этот торг, раза в четыре тяжелее меня. Другой на моем месте и поднять на ноги его бы не смог. В такие моменты ты славишь небеса за способности.

Мы выбрались в коридор и быстро двинулись к лифту.

По дороге я зажигал стеновые панели и стучал в каждую дверь, истошно кричал о пожаре, чтобы разбудить как можно больше народу.

Люди в ночных одеждах выскакивали из номеров и все устремлялись к выходу, чтобы спасти свои жизни

Паника получилась отменной.

Огонь потянуло сквозняком, и он быстро проник в мой номер, где приходили в себя двое налетчиков. Я уже слышал их вопли и брань, значит, они уже достаточно пришли в себя, чтобы не сгореть заживо. Пусть кричат в окно, может быть, пожарные займутся их спасением.

Первую волну спасающихся пришлось пропустить к лифту, иначе они затоптали бы нас с торгом. Пока лифт поднимался, дыма стало столько, что мы начали задыхаться. В коридоре столпилось человек двадцать, некоторые с детьми.

Стало ясно, что все мы в лифт за раз не поместимся, и не обойдется без человеческих жертв. Невинные жертвы в мои планы не входили. Надо было что-то срочно придумать. Обыкновенное чудо надо было оставить на крайний случай, а сейчас хорошо бы подошло что-то физическое, природное.

Я окинул взглядом задымленный коридор и заметил на потолке решетки вентиляции. Очевидно, она не справлялась с отводом газов. Надо было срочно увеличить линейные размеры вентиляции, для большей пропускной способности.

Идея сама сформировалась в голове.

– Стоять можешь? – Спросил я у торго.

Он утвердительно кивнул. Я отпустил его и пару секунд смотрел, как он балансирует на своих четырех ногах. Это было удивительно, потому что даже стол спокойно стоит на четырех ногах, а он норовил завалиться на бок. Когда стало ясно, что он контролирует свое вертикальное положение, я метнулся в ближайший номер. Благо в номерах уже было пусто, никто не хотел оставаться. Я быстро добрался до окна, положил руку на стекло и ощутил вибрации частиц. Я слегка притормозил их, а они отдали мне часть своей энергии. При этом все стекло заиндевело моментально, а в руках накопилась огромная мощь. Я позволил ей выйти на свободу, и стекло брызнуло наружу миллионами маленьких искр.

Теперь, как только я открыл входную дверь, поток воздуха устремился из окна по коридору в мой номер, чтобы раздуть в нем еще большее пламя, но по дороге забрал с собой все отравляющие газы. Это должно было дать нам еще несколько необходимых минут.

Мы позволили эвакуироваться родителям с детьми, а следующей ходкой спустились в лифте сами.

Когда мы пробирались через вестибюль, я с удовольствием отметил, что все полицейские заняты жильцами, которые спустились прежде нас. Несколько бригад скорой помощи скучали прямо тут на ресепшене. Кто-то из них дернулся в нашем направлении, когда увидел торго на моем плече, но я отмахнулся.

– Не стоит, я отвезу своего друга в больницу сам, – пояснил я, и невозмутимо прошел мимо.

Мы беспрепятственно юркнули под оцепление и смешались с зеваками, коих набежало немыслимо много.

Множество переменных, как всегда, сработало наотлично.

Я довольный собой достал коммуникатор и вызвал такси. Машину подали быстро, и спустя каких-нибудь пару минут, мы уже неслись по ночному городу в сторону моего будущего навигатора.

По дороге торг все присматривался к моей шее.

– Что? – не выдержал я наконец этих странных взглядов.

– Как ты это сделал? – Тут же булькнул он

Видно было, что этот вопрос давно не давал ему покоя.

– Ты про нож? – Переспросил я, лихорадочно соображая, что бы ему сказать.

Как назло, ничего не приходило в голову.

– Это мой секрет, – решил отмахнуться я.

Торг недоверчиво еще раз покосился в сторону моих магистральных сосудов.

– Странно все это, – вздохнул он, когда понял, что я отвечать на это не собираюсь.

– Согласен, – кивнул я и улыбнулся.

– В том отеле вообще много странного произошло, – продолжил он свою тему.

– Не так уж и много, – предложил я закрыть тему еще раз.

– И почему взорвался тот чертов пистолет? Тони следил за ним лучше, чем за своими зубами.

– Хм, не завидую я его жене в таком случае! – Рассмеялся я своей шутке, но торг, должно быть, не имел чувства юмора.

– А огонь?

– Что огонь?

– Откуда взялся огонь? Не только в номере, но и в коридоре. Он появился очень кстати. Разве это не странно?

– Вот ты сейчас об этом сказал, и мне вдруг тоже показалось это странным, – постарался состряпать удивленную гримасу я.

– А куда девался дым из коридора, как раз когда мы начали задыхаться?

– Вот тут у меня есть объяснение. Я разбил окно напротив, на двадцатом этаже такой сквозняк, что все разом и выдуло.

– Да это и ослу понятно! Ты скажи, как ты окно разбил? У тебя ведь не было атомного пистолета?

Все эти вопросы порядком меня утомили. Мне надоело подбирать объяснения необъяснимому.

– Ты все усложняешь, в каждом существе должно жить ожидание чуда, удачи, которая непременно ворвется в нашу жизнь и перевернет все невзгоды, превратит их в счастливые моменты.

Но торгу почему-то не пошла позитивная философия, и он продолжил серьезно сопеть.

– Удача удачей, но этой ночью казалось, что все идет

по какому-то плану, по невообразимому сценарию, как во сне.

Окончание поездки благополучно прервало этот диалог, к моему большому удовольствию

Я быстро отпустил машину и осмотрелся. Мы оказались в бедном районе на самой окраине. Тут пахло человеческой мочой и рвотой. Круглые многоэтажные дома, больше напоминали огромные муравейники, нежели человеческое жилье. В нескольких окнах горел свет, но большинство жильцов спало.

Прямо под ногами, под тонким слоем почвы журчала канализация. Было такое чувство, что мы попали не на окраину столицы, а перенеслись на тысячу лет в прошлое.

– На те средства, что я зарабатываю в доках, можно иметь комнату только в этом районе, – оправдывался торг.

Должно быть, он обратил внимание на выражение моего лица, и догадался о моих мыслях.

– Да я все понимаю, – смутился я, словно меня поймали на чем-то непристойном.

Торг медленно зашагал к ближайшему дому. В ночной темноте было сложно не сбиться с тропинки, поэтому я старался двигаться прямо за ним. Он вошел в подъезд, и дверь на металлической пружине громко хлопнула у меня перед носом. Я взялся за дверную ручку. Она оказалась липкая и холодная. Давно мне не приходилось прикасаться к дверным ручкам, которые не подогреваются, в домах, где живут

люди не моющие своих рук.

Мое подсознание тут же сконцентрировалось на биологической опасности и выдало полный отчет об агрессивной флоре на моей ладони. Я автоматически поднял температуру рук до девяноста градусов, и вся опасная жизнь пропала с рук. Это был неожиданный, но неприятный опыт. За много лет я не помню, чтобы испытывал подобное отвращение. В тот момент пришло осознание, что я слишком много времени провожу в благоприятных условиях, отчего страдает мой естественный кругозор. Подумалось, что при случае надо будет пожить на какой-нибудь планете третьего мира.

Лифта не было, пришлось подниматься на третий этаж по ступеням. Когда мы вошли в комнату, было темно, и чей-то встревоженный голос проговорил на торгском: «Кто здесь?»

Отец и сын перекинулись парой дежурных фраз. Благодаря своим телепатическим способностям, я мог понимать все, что они говорят, но сам говорить не мог, и это было неудобно. Как объяснить, что ты понимаешь, но не можешь говорить. Раскрываться было нельзя, награды назначенные за поимку одаренных существ многим сильно осложняли жизнь. К ним относился и я. Всплыви наружу мои способности, спокойная обстановка вокруг может моментально превратиться в поле боя, когда вся эта нищета рядом возжелает получить огромный куш.

И эти два торга, кто знает, как отреагируют они, откройся

я им хоть отчасти.

Поэтому, пока они говорили, мне пришлось натянуть на себя отрешенность, чтобы не вызвать подозрений. Старый торг между делом бросил в мою сторону внимательный долгий взгляд, чтобы убедиться, что я не понимаю их языка.

Этот старый плут совсем не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

– Перекусим, – толи предложил, толи приказал торг.

Он взял из смятой пастели молодого и бережно усадил его за стол. У того отсутствовали все четыре ноги, отчего он казался неживым бревном за столом. Тот старался не смотреть в мою сторону своими потухшими глазами. Тут же уставился в тарелку, потому что ему было очень стыдно и страшно.

Мне стало очень жаль беднягу. Давно не видел столь несчастное существо. Неприятное чувство защемило в груди. Появилось жгучее желание помочь, но твердые традиционные запреты на подобное жестко сидели в голове, и не позволяли даже думать об этом.

«Может, когда-нибудь», – вздохнул я, как всегда успокаивая свою совесть. Отец сильно сердился на меня за подобную сентиментальность. Но что поделать, когда ты родился с мягким сердцем.

Молодого торгога звали Коко. Старый представил его мне и в ожидании уставился на меня бесстрастным взглядом.

– Ах, да, Стейниц, – примирительно улыбнулся я.

Но сам старый не соизволил назвать своего имени, а толь-

ко удовлетворенно кивнул на мою фразу.

Коко только на миг оторвался от своей тарелки, чтобы бросить на меня настороженный взгляд и снова потупился.

Как же он мог быть пилотом истребителя? И на что может быть похож истребитель торгов? Неудивительно, что Империя сбила его.

– Он не говорит по межгалактически? – заметил я.

– Только на торговском, – виновато пробубнил старый, – но я могу переводить, – добавил он тут же.

– Это может стать проблемой. Как он будет навигатором, если я не буду понимать ни слова?

– Мы постараемся, Кроме того, вряд ли у вас будет лучший вариант. Торгов с системе совсем немного, а с опытом межзвездных перелетов может вообще больше не быть.

Но я это и сам понимал. Не каждый день империя встречает истребители торгов, и еще реже кто-то остается в живых после этой встречи. Это был мой шанс. Надо было попробовать им воспользоваться.

– Мне нужно попасть в миры торгов, – без предисловий и объяснений сразу начал я, – сможешь проложить курс?

– В миры торгов? – Изумился старый.

Я кивнул. Он спросил у Коко. Тот сразу же оживился. Видимо перспектива оказаться дома сильно вдохновляла его.

Еще бы! Жить в таком месте, питаться тем, что и пищей-то назвать трудно, что может быть хуже?

– Если будет достаточно быстрый корабль, – передал мне

старый.

– Мой достаточно быстрый, – заверил я его.

– Нужна гравитационная тяга, как у торгов, – добавил он.

– Будет, – уверенно кивнул я.

Коко от этих слов оживился, в глазах появился живой блеск, но он все еще не смотрел в мою сторону.

– Он думал, что подобная технология есть только у торгов, – продолжил переводить старый.

– Не только, но ее нет у Империи.

Наконец, Коко с облегчением посмотрел мне в глаза. В его взгляде было столько надежд, что мне стало стыдно, так как я не намеревался их оправдывать.

– Но если вы не от Империи, то для чего вам миры торгов?

– Я хочу первым начать развивать с торгами торговые отношения. Это будет взаимовыгодный проект и принесет мне много денег, – уверенно покривил душой я.

НО мой ответ, видимо, удовлетворил молодого торгова, он сразу же повеселел и стал с удовольствием уплетать свой кусок асфальта с тарелки.

– Осталось оговорить его оплату, – все еще взволнованно продолжил старый, но уже от себя.

– Скажем, пятьдесят тысяч имперских кредитов, – навскидку предложил я

Мы оба понимали, что подобной суммы им не заработать за всю жизнь на самой выгодной и тяжелой работе в доках.

Но старый не торопился соглашаться. Он сильно опасался

продешевить, и поэтому застыл, как статуя.

– Хорошо, сто тысяч, – отмахнулся я, и он тут же пришел в себя и согласился.

Ох уж мне эти торги, усмехнулся я. Для меня деньги вообще не имели никакой ценности. Результат, вот что ценится в моем мире.

– Доставьте меня к торгам, и получите свои деньги, вне зависимости от исхода моих с ними переговоров.

Все остались очень довольны, и маленькая комнатка наполнилась позитивной энергией, которой прежде тут и не пахло.

Убраться с планеты

Надо было уже заканчивать трапезничать. Время поджимало. Счастливые торги, похоже, никуда не торопятся, но в отеле мы наделали много шума. Не стоит рассчитывать, что не будет расследования. Когда всплывут наши имена и адреса, тогда на месте оставаться будет уже опасно.

– Надо отправляться, – толкнул я в бок повеселевшего старика, он словно не мог теперь наговориться с сыном.

– Ночь на дворе, куда в такую пору? – Удивился он.

– Городские службы работают и ночью. Уверен, они уже берут интервью у водителя, который нас сюда привез.

– Сюда полиция никогда вовремя не приезжала, время до утра у нас есть. Кроме того, надо собрать пожитки, путь предстоит не близкий.

Интересно, подобное упрямство это их общая черта, или другие торги хоть иногда прислушиваются к тому, что говорят другие.

Он повернулся к сыну, бросил ему пару слов, и тут же между ними завязался новый диалог, вникать в который мне даже не хотелось.

Я подошел к окну и заглянул в ночь. Свет из комнаты полностью выключал реальность за окном. Чернота там была настолько густа, что нечего было даже надеяться рассмотреть хоть что-нибудь снаружи, пока горел свет.

Вдруг, на какой-то миг я ощутил на себе влияние инфракрасного сканера. Мне уже приходилось испытывать подобное чувство, поэтому сомнений не было, нас уже обложили и наверняка прослушивают.

– И когда же вы намерены меня отпустить? – Перебил я их болтовню.

Старый торг пару раз удивленно моргнул.

– Не раньше, чем вы заплатите нам сто тысяч имперских кредитов, – совершенно серьезно ответил торг на мой вопрос.

Он намеревался сказать, что-то еще, но не успел. Дверь вышибли тараном, и в комнату ворвались вооруженные люди в форме.

Торгов моментально сковали, но ко мне даже не прикоснулись.

Молодой подвижный инспектор с черными усиками учтиво мне поклонился.

– Спасибо, инспектор, вы появились как раз вовремя. Этот негодяй, угрожал убить меня, и хотел чтобы я заплатил ему сто тысяч, – указал я на старого.

Торги еще не совсем понимали, что происходит, и только озадаченно моргали.

– Но этот молодой тут вообще не при чем. Мне кажется, что этот пользовался слабостью инвалида, чтобы нелегально проживать в его комнате.

Коко тут же расковали. Природная черта всех гуманои-

дов – сочувствие обделенным и обездоленным.

– Мы взяли двоих сообщников в вашем номере, они дали показания, как они планировали украсть ваш корабль, а вас убить. Так что сотней тысяч дело бы не обошлось, – учительно объяснил инспектор. – Ваше счастье, что вы в столице, и тут полиция работает, как надо. Не то валяться бы вам мертвым в какой-нибудь канаве.

Коко пришел в себя раньше старика. Он испуганно залепетал, что-то по торгски, но так, как его тут никто не понимал, сострадание к нему только усилилось.

– Надо будет сообщить о нем в социальную службу, пусть пришлют кого-нибудь, а то еще помрет с голоду, – расчувствовался инспектор.

Его подчиненные тем временем сделали в комнате короткий обыск, перевернули все вверх дном.

– Это лишнее, инспектор, я позабочусь о несчастном. Я собираюсь скоро быть на его родных планетах, могу забрать его, пусть о нем заботятся его соплеменники.

– Отличная идея, и столичный бюджет не пострадает, надо будет оформить ему разрешение.

– Как все удачно сложилось! Вы делаете большое дело, инспектор. Но попрошу с этим не тянуть, потому что у меня деловая встреча горит, с этими приключениями я совершенно выбился из графика.

– Хорошо, хорошо, сегодня же и займусь. Как раз буду этого оформлять в офисе, то прямо с утрица и пропуск

оформлю.

– Отлично. Кто-нибудь не поможет мне доставить калеку к кораблю?

Инспектор понимающе кивнул и дал команду одному из своих людей, чтобы он взял машину и подкинул нас до стоянки.

Молчаливого старика увели в другую сторону. Он, конечно, уже понимал, что происходит. Понимал, но от этого легче не становилось. Его сын отправится к родным берегам, а ему предстоит гнить в тюрьме долгий срок. Но он был рад за Коко. В конце-концов его в тюрьме хотя бы кормить бесплатно будут, и Коко пристроен. Лучшего от судьбы и ждать нечего, надо быть реалистом.

Мы вышли у ВИП зоны за стоянкой для прогулочных кораблей. В нескольких десятках метров был трап моего Красавца. Я отпустил полицейского с машиной, чтобы ему не пришлось на ум помочь мне нести Коко до корабля. Сам он его даже с места сдвинуть не смог бы, но несомненно попытался бы. А мне притворяться, что тяжело, не хотелось, претило мне подобное поведение.

Машина уехала, и я взял торга под мышку, чтобы отнести к кораблю. Он не выразил протеста, но и инициативы не проявил. Оно и понятно. Парень только что лишился отца. Какое тут может быть настроение.

Пока я топал к кораблю, в голове моей постоянно вертелась одна мысль, как я буду общаться со своим навигато-

ром без переводчика. Утром бумаги будут готовы, можно будет отправляться, но с односторонней связью, мы вряд ли поймем друг друга, когда дело коснется мельчайших деталей космической навигации.

Конечно, можно обратиться к помощи компьютерного переводчика, но торги – малоизученная раса, хватит ли машинного словарного запаса? Надо было проверить. Не хватало еще ломать голову, чтобы придумать, как выволить обвиняемого торга и вывести его с планеты. Об этом даже думать было жутко. Чтобы подобная операция прошла успешно, необходим настолько продуманный тактический план, что на его создание могут потребоваться недели.

Мы благополучно добрались до рубки и удобно расположились в креслах.

– Компьютер, режим переводчика, – тут же взялся я за дело.

– Оппоненты? – Пропел он мелодичным женским голосом.

Эти настройки мне нравились больше всего, хоть у меня никогда еще не было живой подружки. Дело в том, что отец всегда учил меня, что животные инстинкты, такие, как либидо, всегда осложняют жизнь и могут загубить любое дело основательно и неожиданно. Поэтому подавлять либидо он научил меня с подросткового возраста. Однако, даже подавляемое, оно пробивалось в виде подобных предпочтений то там, то тут. Пока это мне не мешало, я позволял себе подоб-

ные послабления.

– Торги.

– Торг Лавринянин, Торг Поджарый, Красногрудый Торг., – включилось перечисление.

Не знал, что их так много. Возможно, большая часть из них не имеют между собой ничего общего. Как выбрать?

– Включить фонетический анализатор, – пришла мне идея.

Я кивнул Коко, чтобы он сказал что-нибудь.

– Гло? – Не понял он моего телодвижения.

Но этих трех звуков компьютеру оказалось достаточно для идентификации.

– Торг Парасисетик. В базе данных 2 343 442 слова, – отчитался он, – начать сессию?

– Да. Пожалуй, начнем, – согласился я все еще в шоке от количества слов.

– Ваш язык удивительно обширен, более двух миллионов слов меня впечатлили, – обратился я с пробным предложением к Коко.

Рубка наполнилась приятным бульканьем перевода.

Коко прислушался, поднял на меня ничего не выражающий взгляд и что-то сказал.

– Почему ты допустил, чтобы его арестовали?

Это было ожидаемый вопрос. Надо было выяснить все недоразумения, прежде чем отправляться в открытый космос. Там необходимо доверять ближнему, иначе могут по-

гибнуть все.

– Не я создал эту реальность, чтобы мешать течению обстоятельств, без веской причины.

– Ты что-то сказал полиции, чтобы его арестовали. Он хороший торг, он заботился обо мне и никогда не делал ничего дурного.

Торг был зол и негодовал так сильно, что помещение быстро наполнилось отрицательным эмоциональным зарядом. Это действовало и на мое состояние, подталкивало в эту пропасть. Но нам нельзя было допускать конфликтов. Слишком многое было поставлено на карту. Я попытался изолировать себя от посторонней агрессии и успокоиться.

– Может он думал, что заботится о тебе, когда сегодня ночью с тремя сообщниками проник в мой номер в отеле и приставил мне нож к горлу. Они потребовали коды доступа к этому кораблю, хотели убраться с этой планеты. Его сообщники признались полиции, что не собирались оставлять меня в живых.

Когда я отказался давать коды, один из них выстрелил в меня из атомного пистолета, но оружие было неисправно и взорвалось. Потом начался пожар, паника жильцов, общая эвакуация. Мне удалось вытащить твоего контуженного взрывом отца из оцепленного здания.

– С чего бы тебе это делать? Ведь, по твоим словам, они хотели убить тебя? – Казалось, что Коко не верит ни единому моему слову.

Но я знал действие правды. Мыслящие существа часто чувствуют не только ложь, но и правду.

– Мне позарез нужен был навигатор. Скорее всего, ты единственный торг-навигатор в этой системе. Он рассказал мне о тебе до того, как все началось.

– Но ты мог бы что-то предпринять, чтобы предотвратить арест! – Он все еще негодовал, и меня это удивляло.

– Я говорил ему, что надо торопиться, что полиция у нас на хвосте, что если оцепят тот муравейник, ареста избежать не удастся. Но он предпочел проигнорировать мои предупреждения. Камеры в отеле и его сообщники, которые рассказали полиции обо всем, не дали нам ни единого шанса. Мое неестественное поведение навлекло бы на нас подозрение, и нам бы не позволили покинуть эту планету. И тогда всплыло бы твое происхождение, служба безопасности Империи заинтересовалась бы твоей персоной и закрыла бы тебя в зверинце для опытов до конца дней. Вы бы лишились ваших жизней, а я навигатора и чистой репутации

– Не верится, что он мог так поступить, – вздохнул он. – Не знаю, как мне теперь без него...

– Ты же торг, а торги, как известно, не привязываются, не строят социальных связей, – удивлялся я. – Неужели вы так сблизились с этим стариком, что теперь у вас эмоциональная привязанность?

– Мне все равно, как это называется, но я ощущаю себя полностью разбитым и опустошенным. Как он мог так посту-

пить со мной?

Я явно почувствовал его тоску и изумился еще больше. Когда так тоскуют гуманоиды, они всегда плачут. Это было удивительное открытие, которое противоречило общепринятому суждению о торгах. Если бы я был межвидовым социологом, то непременно заинтересовался бы этим фактом и, может быть, написал бы научную работу на эту тему.

Общий фон в помещении улучшился с агрессии до печали. Это уже было что-то. Можно было переходить к делу.

– Угрозы еще не миновали. Мы заручились поддержкой инспектора полиции, но это низкое исполнительное звено. Если ситуацией о нападении на инопланетного гостя заинтересуются выше, то все распоряжения инспектора заморозят, запуск могут отменить, корабль арестовать, остановить нас на орбите во время маневров. Многое еще может случиться, поэтому нам нужны козыри. Прежде всего твои знания о гравитационных перелетах. Если Империя решит остановить нас в космосе, нам понадобится фора в скорости, а двигатель этого аппарата на такое не способен.

Я мог бы придать этому кораблю гравитационное ускорение, но боюсь, для благополучного путешествия необходимы дополнительные меры безопасности.

– Конечно, этому кораблю потребуется серьезная реконструкция. Не совсем понимаю, каким образом ты собираешься придать этому куску металла гравитационное ускорение, но если бы это было возможно, то потребовались бы

еще мощные магнитные генераторы, для создания вокруг корабля магнитного поля, чтобы подавлять влияние сильных эфирных течений в центре галактики. Еще потребуется электростатический заряд по фюзеляжу, чтобы гасить жесткое космическое излучение. На таких скоростях привычные вам средства уже не работают. Так же понадобятся отдельные гравитационные генераторы постоянного поля, чтобы отклонять с курса физические объекты. Столкновение даже с мелким камнем может оказаться фатальным, как для корабля, так и для экипажа. Так же надо подумать про дополнительный обогрев. Генераторы гравитационной тяги поглощают тепло, и без дополнительного источника тепла, мы скоро окажемся в морозильной камере.

– Вся эта система, должно быть, поглощает море энергии? – Удивился я.

Почему-то до сего дня мне казалось, что все должно быть гораздо проще. А тут столько составляющих, и все критически важны.

– Дело даже не в том, сколько энергии нам потребуется. Мы физически не в состоянии к утру переделать это прогулочное судно для межзвездных перелетов. У нас нет ни запасных частей, ни навыков работы с монтажом этих узлов. Скорее всего, подобных приборов не выпускает ваша промышленность. Так что их пришлось бы конструировать нам самим. Выходит, нам следует полагаться только на счастливый случай. Будем надеяться, что Империя не заинтересует-

ся нами, а инспектор выполнит обещанное.

– Ты пока тут понадейся, а я выйду, позабочусь, может, наш корабль к утру будет иметь все, что ты перечислил

Он проводил меня странным взглядом. Это было неприятно. Когда единственный человек, с которым ты рядом, считает тебя сумасшедшим, никакая выдержка не помогает подавить это чувство.

Я уединился в одну из кают и стал пробовать генерировать магнитные поля, гравитационную защиту, статический заряд на поверхности корабля.

Проще всего оказалось со статическим зарядом. Он получался легко, потреблял мало энергии и почти не требовал концентрации внимания. Я подозревал, что в полете это может оказаться сложнее, так как в силу непредвиденных обстоятельств заряд может стекать, и его придется генерировать снова. Но это можно было выяснить только в полете.

Следующим по сложности было гравитационное поле от космических объектов. Я уже давно на ты с гравитацией, и пользовался ею многократно и многообразно. Одно дело, скажем, поддерживать некое тело над поверхностью планеты, или толкнуть объект в космосе, это сродни грубой силе. Но окружить корабль гравитационным полем оказалось непросто. Небольшое отклонение поля, и обшивка корабля начинала стонать и трещать от контакта с градиентной оболочкой. Выходит, я сам мог разорвать собственный корабль прямо в космосе. Это было бы совсем некстати.

Но все это чепуха, по сравнению с магнитным полем. Дело в том, что я встречался с магнитными полями достаточной мощности только тогда, когда использовал мощные электрические разряды. Но такое опосредованное наведение полей, во-первых, было очень затратным, во-вторых, никак не контролировалось. Этот вопрос еще требовал изучения, а времени на это уже не было. Если бы уделить этому вопросу год-два, то, уверен, с магнитным полем было бы не больше хлопот, чем с гравитацией.

Коко говорил, про эфирные потоки в центре галактики. Но для побега от Имперского флота не обязательно лететь к центру. Мы можем даже покинуть галактику перпендикулярно к плоскости эклиптики, и там осмотреться. Сейчас главное было благополучно покинуть планету.

Так я провозился несколько часов, за которые смог научиться уверенно удерживать и заряд на поверхности корабля, и гравитационное поле. Утро настало неожиданно быстро. О его наступлении просигналил мне мой коммуникатор. Это пытался со мной связаться инспектор.

– Доброе утро, инспектор, – как можно бодрее поприветствовал я его.

– Здравствуйте, мистер Стейниц. Разрешение я оформил. Так что можете запрашивать отмашку в центре управления и греть двигатели, – усталым голосом пробормотал тот.

– Благодарю, инспектор. Теперь всюду буду рассказывать, насколько хорошо в столице работает полиция, – вполне ис-

кренно поблагодарил я.

Он вымучено хохотнул в трубку.

– Счастливого пути, – пожелал он и отключился.

Все шло хорошо. Наверное, Коко усердно надеется. Я, не теряя времени, набрал центр управления полетами.

– ЦУП, – тут же ответили мне.

– Красавчик Ж3701 запрашивает разрешение на взлет, – бросил я в эфир дежурную фразу, и включил двигатели на прогрев.

– Красавчик Ж3701 уточните цель полета и список пассажиров на борту, – продолжил голос на том конце.

Обычно для взлета требовалась одна только дежурная фраза и немного терпения для ожидания – очереди отрыва.

– Говорит Красавчик Ж3701, цель полета – деловая встреча на другой планете, один пассажир, разрешение... – я бросил взгляд на информацию, присланную мне инспектором, – 2473499 от настоящего дня.

– Подождите, информация обрабатывается.

Подобной заминки у меня не случилось нигде. С VIP парковки суда отправляются обычно без бюрократических проволочек. И надо же, именно сегодня... Меня уже начало напрягать ожидание, когда я глянул на спокойного Коко, который беспечно ковырялся в зубах своим большущим пальцем.

Вот так нужно относиться к жизни. Пока не прижало, наслаждайся.

– Красавчик Ж3701 старт разрешен, – перебил мои раз-

мышления ЦУП. – ожидайте сигнала. И будьте бдительны, на орбите крупное имперское судно.

Я выдохнул, тихонько, чтобы торг не заметил. Не хватало, чтобы еще торги стали смеяться над моей впечатлительностью.

Примерно через полминуты прозвучал сигнал, и я включил форсаж. Нас вдавило в амортизационные кресла. Мы стали стремительно набирать высоту. Еще пару несложных маневров на орбите, и ищи нас свищи.

Пока мы выходили из атмосферы, камеры внешнего вида были прикрыты заслонками, но стоило нам попасть в безвоздушное пространство, как компьютер оживился.

– Справа по борту военное судно. Сканирует. Включить защиту от нарушения прав неприкосновенности?

– Не нужно, пусть смотрят. Нам ведь скрывать нечего. Ни оружия, ни наркотиков на борту нет, да и взлетели мы легально, согласно общему плану полетов, – пояснил я не столько компьютеру, сколько самому себе.

Между тем, медлить было глупо, я начал маневр стабилизации положения относительно моей орбиты. Надо было спешно готовиться, я сердцем чувствовал, что-то не так.

Вдруг центральный монитор оживился, и на нем возникло лицо какого-то лейтенанта.

– Неизвестное судно, примите наряд для внепланового осмотра, – сурово заявил он.

– С чего вдруг осмотр? – негодовал я. – Мы не нарушите-

ли какие-нибудь, чтобы посторонние в нашем белье рылись. Это ВИП корабль, если вы не заметили.

– У нас чрезвычайное положение, осматриваем все частные суда. Вы не будите исключением только из-за вашего статуса. Я лично попрошу сержанта, чтобы был поделикатнее. Надеюсь, вы понимаете, что неподчинение имперскому командованию карается смертью. Примите наряд, или мы откроем огонь.

Лейтенант пропал с экрана.

Компьютер выдавал картинку огромного военного корабля поблизости. Мы видели, как открывался один из его ангаров, и маленькая искорка шатла сверкнула в лучах его прожекторов.

– Что будем делать? – На торге лица не было.

– Их принимать нельзя. Надо сматываться. Рассчитывай кратчайший курс из галактики.

– Но кратчайший курс будет совсем не в ту сторону, – удивился торг.

– Делай, что тебе говорю! У нас есть гравитация и статика, но нет магнитного поля. Нам теперь нельзя через центр. Пока просто уйдем от Империи, а потом будем думать дальше.

Торг тут же принялся за дело, а я стал быстро поднимать заряд на обшивке. Камеры внешнего вида показывали нос корабля. Вся обшивка засияла голубоватым свечением.

На экране вновь возникло встревоженное лицо лейтенанта.

– Что там у вас происходит? – Грозно прорычал он.

– Статика, – отмахнулся я.

– Я вижу, что статика. Откуда?

– Понятия не имею, – как можно беспечнее пожал плечами я.

Лейтенант снова исчез.

– Готово, – пододвинул ко мне планшет Коко.

Он справился даже быстрее, чем я рассчитывал. Глядя на цифры, я направил корабль в верном направлении маневровыми двигателями. Эти приготовления невозможно было не заметить с имперского корабля.

– Они готовятся стрелять, – предупредил компьютер.

Шатл был уже в десяти тысячах.

Я сконцентрировался и потянул энергию от ближайшего солнца, от излишней теплоты наших двигателей, от света отраженного с планеты, от радиовещания, что заполняло весь эфир, и даже тепло огромных двигателей военного корабля поблизости тоже пошло в ход.

Все это я вложил в один мощный гравитационный толчок, и мы тут же покинули окрестности столицы. Имперцам на эсминце должно было показаться, что мы просто растворились в вакууме. Ведь нет таких камер, что могут зафиксировать подобное ускорение.

Расчетные две минуты показались мне вечностью. Никогда прежде мне не приходилось поддерживать одновременно два таких мощных процесса. Ситуация усложнялась тем, что

статический заряд постоянно наравил стечь под действием звездных ветров, особенно вблизи светил, мимо которых мы проносились.

Обыкновенно при космических перелетах эфирных ветров почти незаметно, вплоть до околосветовых скоростей. Поэтому и приборов защищающих от этих ветров еще не придумали. Но если скорость на десять порядков выше, то ваш катер превращается в кабриолет, а статический заряд слетает с обшивки, как некачественная краска.

Коко понимал, что происходит что-то странное, видя мою отчужденность. Но ему хватило благоразумия не отвлекать меня по пустякам, в то время, как я отчаянно боролся за его жизнь с невидимой космической смертью, которую обычно называют жестким космическим излучением.

По прошествии двух минут ситуация резко улучшилась. Излучение заметно ослабло, а возмущения эфира прекратились. Мы словно выплыли из горной реки в спокойное море. Я не увидел, а скорее догадался, что мы вне галактики. Пришло время торможения.

Я обратился вокруг в поисках привычных источников энергии, но всюду была только пустота. Единственным хранилищем заряда был наш корабль. Немного тепла вокруг нас и ядерный реактор, работающий в штатном режиме, вот все, на что мы могли рассчитывать. Я настолько привык к морю источников вокруг, что не подумал об этом заранее.

– Что-то не так? – Забеспокоился Коко.

Он, наверняка, наблюдал за мною все эти минуты, и заметил изменения на моем лице. Должно быть, я выглядел обескураженным.

– Я выпустил из вида, что тут нет источников энергии, которая нужна нам для торможения, – пояснил я, стараясь не отвлекаться от дела.

– Серьезный просчет, – пробубнил озадаченно торг почти про себя. – Реактор?

– Я его погашу, и мы останемся без источника тепла. Замерзнем быстрее, чем задохнемся. Можешь рассчитать курс на ближайшую галактику? Нам нужны области с плотной энергетикой.

– Между галактиками такие расстояния, что до ближайшей мы можем лететь неделю, и то, если исключить ошибки в расчетах. А это невозможно. При таких скоростях без точных межгалактических карт мы не попадем в цель с первого раза, это однозначно. Мы уже потерялись, улетели гораздо дальше расчетной точки торможения. Даже чтобы вернуться нам потребуются сложные вычисления.

Да и тебе, видимо, не на пользу длительные перелеты. Ты выглядишь утомленным, а прошло всего несколько минут.

И я действительно немного устал. Уже очень давно я не переживал подобного состояния. И это свежее чувство было даже чем-то приятно.

– Надо тормозить, – вынес вердикт Коко, и я приступил к аккумуляции энергии.

Я впервые так осторожно накапливал силу. Реактор постоянно находился на грани остывания. Я не убрал замедлители, во-первых, потому что это не было предусмотрено производителем, во-вторых, потому что сам боялся цепной реакции. Мне еще не приходилось так плотно работать с радиоактивными материалами. Одна ошибка, и мне не поможет даже моя суперрегенерация. Что уже говорить про Коко или корабль.

Время шло. Мы улетали все дальше. Теоретически могло случиться так, что компьютер утратит пространственные ориентиры, и тогда мы даже обратный курс задать не сможем.

В какой-то момент я понял, что мне придется погасить реактор и забрать все тепло охладителей. Иначе мы совершенно заблудимся в космосе.

Решение было принято. Я забрал, все, что нашел в реакторном отсеке, а заодно и все тепло из соседних помещений, теперь должно было хватить.

Противоположный импульс гравитации сбросил нашу скорость почти до нуля. Дело было сделано. И я расслаблено откинулся на кресле.

Коко, не отрываясь, смотрел на меня, ожидая объяснений. Довольно правомерно, как по мне. Особенно, если взять в расчет, что я только что поставил под большой вопрос дальнейшее наше существование.

НОВЫЙ ОПЫТ

Система жизнеобеспечения перешла в аварийный режим. Компьютер переключился на батарею.

– Произошло отключение реактора, пожалуйста, проверьте соединения, – монотонно бубнил компьютер.

У него не было протоколов на такой случай, потому что ядерные генераторы просто так не потухают. В них заложено топливо на несколько лет работы, и когда мощность начинает падать, генератор заправляют. Поэтому отключение могло быть связано с плохим соединением шин.

– Что же, кажется, теперь у нас есть время, чтобы объяснить, – смущенно предложил Коко.

Стейниц продолжал расслабленно сидеть в кресле, руки безжизненно висели до пола.

– Да, немного есть. По крайней мере, пока не замерзнем, – согласился он меланхолично.

– Что вообще все это значит? Как мы вылетели из галактики? Все выглядело так, словно это ты выполнял работу двигателя, да и все остальное. Но ведь это невозможно!

– На свете немало чудес, мой друг, – улыбнулся ему Стейниц. – Я не обычный гуманоид, а симбиотически моделированный. После рождения, в меня подсадили какого-то симбиота, который наделил меня способностями, а потом этого симбиота подавили, и остался только я и мои способности.

– Что еще за способности? – Не мог поверить Коко.

Стейниц одним взглядом поднял с панели его стилус и перенес его торгу на колени.

– Левитация?

– Не только. Это так пустяки. Все это следствия основной способности – преобразование энергии. Если есть энергия, я могу ее взять и изменить ею иную систему. Допустим, возьму тепло из земли и согрею этой энергией воду. Или сложнее, энергию радиоволн преобразую в гравитационный барьер, или в электрический разряд.

– Так это все-таки ты двигал корабль и наводил статику? Фантастика! Если бы не видел своими глазами, то не поверил бы. Теперь, я, кажется, начал понимать, что происходит. Тут так мало энергии, что нечем создать гравитационную тягу.

– И это, скорее всего моя последняя ошибка в жизни. Это даже смешно. Я должен был жить несколько столетий, пока медленно состарюсь. Меня даже убить почти невозможно, потому что если рядом есть источник энергии, то мой организм сам быстро восстанавливается. А эти источники повсюду, невозможно было даже искусственно создать подобное место, где совершенная пустота. И вот я нашел такое, попал в него, и энергия заканчивается. Довольно ироничная смерть. Если бы я захотел покончить с собой, то это было бы как раз то, что надо.

– Но мне кажется, что нам рано отчаиваться. На корабле

еще есть источник энергии. В реакторе все еще полно топлива. Как тебе преобразовывать ядерную энергию?

– Я всегда опасался подобного. Неконтролируемая реакция уничтожит все живое.

– Но может у тебя получится ее контролировать?

– Вряд ли, я не знаю, как это делается. А второй попытки может и не быть.

– Но для нас ведь все равно. Какая разница, отчего умирать? А если получится, то у нас снова будет тяга. А нет, так лучше от ядерного взрыва, чем от удушья.

– Видимо, придется попробовать. Ведь другого варианта нет. Но для этого мне придется оставить тебя тут и спуститься в незащищенную зону. Если я не вернусь, то ты останешься совсем один без всякой помощи со стороны.

– Да ты не волнуйся, мне не привыкать. Я тут пока посчитаю. Если появится питание, то начну маневры.

– Отлично!

Стейниц встал с кресла и решительно зашагал в сторону технического отсека. Страх не было, а только лихорадочное возбуждение. Прикасаться к радиоактивным материалам было запрещено традицией, поэтому кроме физической опасности тут действовал еще и суеверный страх Стейниц как прогрессивный гуманоид ненавидел в себе это чувство, и боролся с ним, где бы ни встречал.

Но на этот раз все было очень серьезно. Радиоактивный изотоп, название которого он даже не знал, должен был пре-

подать ему очередной жизненный урок. И либо он станет от этого сильнее, либо пропадет. Такого выбора в его жизни еще не было. Поэтому, когда он взялся за ручку грязного люка рука его немного дрожала.

Внутри он сразу же ощутил нейтронное излучение. По всей поверхности тела забарабанили маленькие сгустки энергии, разрушая ткани его организма. Чтобы напитаться ими энергии было мало, ее не хватало даже на исцеление от повреждений. Стейниц понял, что он может погибнуть и от радиации, потому как восстановление теперь шло значительно медленнее. Надо было поспешить.

Он еще не знал, как устроен генератор, и поэтому, для того, чтобы достать топливо, нужно было его разобрать по частям.

Стейниц положил руки на холодный металл и сосредоточился. В одно мгновение он увидел все строение этого механизма, понял функцию каждой детали и за одну секунду разобрал его на мелкие части. Все гайки и зажимы, флянцы и кронштейны откручивались и снимались одновременно при помощи левитации.

Теперь перед ним лежало восемь граненных, гладко полированных, тетраэдров. Все вместе они составляли единое целое, когда объединялись в критическую массу. В каждом из них виднелись черные отверстия для замедлителей.

Он поднял в воздух один из кусков и всмотрелся в него. Он погружался все глубже, видел все более мелкие дета-

ли, кристаллическую решетку, молекулы, элементарные частицы. Когда он стал видеть нейтрино, присмотрелся внимательнее. Множество этих маленьких объектов вылетали из куска в разные стороны и не задерживались внутри. Стейниц начал отражать их обратно, внутрь куска. Их стало гораздо больше. Он стал заправлять обратно их все, и кусок неожиданно стал выделять теплоту Нейтрино увеличилось в разы, затем на порядки. Уже становилось сложно возвращать их все. Чтобы прибавить себе эффективности, Стейниц стал отбирать у куска теплоту, и заметил, как интенсивнее пошло исцеление его тканей. Самочувствие резко улучшалось. Внимание усилилось. Нейтрино перестали проскакивать мимо него, но все возвращались обратно. Температура объекта росла по экспоненте, кроме тепла появился еще свет. Приток энергии усилился, Стейниц подал часть ее в виде электричества на все системы корабля.

Несколько секунд казалось, что реакция стабилизировалась и энергетические потоки выровнялись. Но затем рост резко продолжился. Стейниц стал отпускать наружу нейтрино, чтобы немного охладить разгорающееся ядро, но это не помогло. Тогда он стал интенсивнее отбирать тепло, чтобы погасить растущую мощь, но, казалось чем больше он брал, тем больше ее становилось. От накопленной мощи его буквально распирало. Он мгновенно зарядил статикой фюзеляж и бросил корабль обратно к галактике. Все получилось, и можно было заканчивать этот эксперимент, но что де-

лать с горящим ядром. Оно разгоралось все больше, а энергию, чтобы его охладить, девать было некуда. Срочно нужен был какой-то энергоемкий процесс, чтобы слить в него как можно больше, и разом охладить ядро.

Неожиданно он вспомнил про Коко. Решение пришло само собой. Он взял все, что было и пустил это на регенерацию Коко, но не на восстановление его здоровья, а на отращивание новых конечностей. Процесс оказался очень энергоемким и болезненным для Коко. При других обстоятельствах то же можно было проделать медленнее и менее болезненно, но теперь выбора не было. В это время температуру ядра удалось стабилизировать, но охладить не получалось. Энергия вновь стала переполнять его. Еще немного и наступит дестабилизация, и тогда конец... Паника была уже не за горами. Как вдруг в его голове прозвучал отчетливый голос.

– Тебе нужно успокоиться. Пришло время учиться уплотнять полученное. Представь себе, как ты упаковываешь эту мощь в маленькие коробочки у себя в теле.

Стейниц тут же представил это, и маленькая коробочка вместила все, что было внутри него. Это было странное состояние, от упаковки энергия не страдала, оставалась так же доступна, как и прежде, но занимала теперь ничтожно мало места.

Стейниц, словно грузчик на складе, лихорадочно заработал, сжимая и складывая все, что мог получить от ядра. Он замечал, как быстро растет мощь внутри него, а с ней усили-

ваются его способности. Концентрация и внимание стали такими, что он мог одновременно контролировать миллионы процессов. Выделение энергии из ядра замедлилось, и стало даже как-то скучновато паковать ее так медленно.

– Возьми еще, – предложил голос.

Стейниц поднял еще одно ядро, и как спичку, зажег его одним движением мысли. Тот вспыхнул и присоединился к своему собрату.

Складирование пошло немного быстрее, но не достаточно быстро, чтобы было интересно. Какой-то деловой азарт захлестнул Стейница, он прямо не мог оторваться от этого процесса. Прежде он никогда не встречал подобных потоков, и теперь получал буквально экстатическое удовольствие, аккумулируя эту мощь.

Скоро к двум горящим кускам присоединились и остальные. Сила реакции стала такой, что оплавливались стены отсека, а разложенные детали генератора пришли в полную негодность. Одежда на нем вся сгорела, но он так быстро исцелялся, что не замечал урона. В этом раскаленном аду, он был как рыба в воде.

Накопленная мощь была настолько велика, что ему теперь не было нужды концентрироваться, чтобы увидеть то, что не видел обычно нормальный человек. Он видел и понимал строение всего вокруг, пронизывал взглядом весь корабль, мог контролировать работу всех систем, не только механических, но и биологических. Замечал и узнавал каж-

дую бактерия в воздухе и на поверхностях, узнавал предметы не только по виду, но и по строению кристаллических решеток, по энергоемкости, чувствовал физические и химические свойства каждого вещества на корабле, и замечал присутствие еще чего-то пока недоступного, но близкого. Желание постичь эту неизвестную субстанцию подтолкнуло его ускорить накопление энергии, и он разжег топливо почти до цепной реакции. То, что могло гореть годами, стало таять на глазах.

Стейниц едва успевал обрабатывать эту мощь. Пришлось на время отвлечься от созерцания окружающего мира и сосредоточиться на самом важном. Приток энергии увеличился на несколько порядков, а потом стал резко сокращаться. Спустя пару минут, все было кончено. Восемь бесполезных теперь раскаленных до бела болванок упали на потекший пол реакторного отсека.

Стейниц чувствовал себя единственным существом во вселенной. Его пространственное видение расширилось настолько, что охватило несколько парсеков окружающего космоса.

То, что раньше казалось холодным и безжизненным, теперь выглядело, как голубой океан. Вот она, эта субстанция. Все вокруг заполнял текучий, колеблющийся, мягкий эфир. Все вещества состояли и него, компануясь так или иначе. И он теперь мог чувствовать его своими руками, мять его словно пластилин мироздания.

Он сжал в ладони малость и вспомнил строение кристаллической решетки того радиоактивного изотопа, с которым имел только что дело, и на его руке тут же оказался кусочек ядерного топлива.

Надо было одеться. Он представил на себе одежду, но ничего не произошло. Надо было знать строение ее на микро-скопическом уровне. Да и не было нужды делать ее из эфира, когда ее полно было в его отсеке.

Он решил выйти, но замки на входном люке оплавившись. Легким движением руки все было восстановлено. В светлом коридоре было светло и уютно. Он спокойно прошелся до своей каюты, заглянул в шкаф, коснулся руками одежды, и вдруг понял, что легче ее создать на теле, чем одевать каждую по отдельности. Моментально, тоже, что лежало в шкафу, оказалось на нем. Стоило ему прикоснуться к материалам, увидеть их внешний вид, и сделать их теперь не составляло никакого труда.

Времени было мало, надо было возвращаться в рубку. Приближалась галактика, он догадался об этом по скорости течения эфира. При приближении к ней скорость течения увеличивалась, и скоро надо будет начинать торможение. Прежде надо было глянуть на расчеты Коко.

Коко он застал на ногах. Точнее на одной ноге в довольно странной позе.

– Что ты там стоишь, как статуя? Тебе так удобно? – Удивился он.

– Нет, но так положено стоять перед богами, – пробулькал торг, и Стейниц понял каждое его слово.

От неожиданности он в изумлении замер на мгновение.

– Не городи чушь, тут нет богов, а ноги, так это мне просто было некуда энергию девать, – отмахнулся Стейниц, – где расчеты?

Коко пододвинул ему планшет.

– Как прошло? – Спросил он, как ни в чем не бывало.

– На удивление хорошо, – сказал он на торгском, – я благодарен тебе, что ты помог мне справиться с суевериями. Это помогло обрести новые силы. Теперь проблем с энергией быть не должно. И, видимо, убегать от Империи нам теперь тоже не понадобится.

И он на глазах у Коко создали из эфира крупный алмаз.

– Мой отец может делать подобное, но он не хотел открывать мне этот секрет. Теперь я это постиг и перешел на новую ступень развития, – говорил Стейниц восхищенному торгу, – а еще я понял, что традиции – ложь, призванная оградить нас от природной силы. Старые верования делают нас слабыми, а нам нужно развиваться.

В смертельной опасности

– Я говорю тебе, что собственными глазами видел, как транспорт сел за той горой, – у Гропа не хватало терпения, и он сорвался на крик.

– Но торгам нечего делать в этой глуши, – спокойно упрямылся Гингери и продолжал идти звериной тропинкой в сторону долины.

– Они могли бы нас подкинуть до города, – Гроп не собирался так просто сдаваться.

– Могли бы, если бы действительно были, – булькал на ходу торг.

– Ведь ты даже не знаешь, в какую сторону нам надо идти!

– Отчего же? На горе мы уже были, в долине еще нет. Помоему, тут я один знаю, куда идти. Будь твоя воля, мы бы сейчас сошли с тропы и углубились в лес, поднялись на ту гору, зашли бы за нее, и окончательно заблудились.

– Только в том случае, если там никого нет, а если там торги, то наше диковатое приключение закончилось бы гораздо скорее...

Договорить он не успел, прямо над ними пролетел небольшой транспорт, и спустился как раз за ту гору. Деревья дружно помахали вслед ему своими кронами.

– Идем на гору, – тут же согласился торг.

На расстоянии в день пути лес уже сильно изменился. Ста-

ло больше встречаться кустарников, появились лианы и местами высокая трава. Идти и без того было тяжело, так тут еще и вверх.

В траве были незаметны большие валуны и обломки скал, ноги постоянно застревали между ними, того и гляди покалечишься.

Чтобы подняться на гору ушло часа четыре, но когда они добрались до лысой вершины, то оказалось, что они слишком сильно забрали вправо, и придется делать большой крюк по лесу, чтобы попасть в то место, куда опустился транспорт.

Уже становилось темно, когда они услышали впереди голоса и яркий свет над деревьями. От усталости ноги уже совсем не переставлялись. Еда у них еще была, но вот вода уже закончилась, и теперь их мучила жажда, а торги впереди, наверняка с водой.

Они поспешили выйти на свет и внезапно оказались на искусственной поляне. Кто-то нещадно вырезал кусок леса, чтобы удобно было приземляться воздушным транспортом.

– Эти ребята не церемонятся, – радостно прокомментировал картину Гроп.

Гингери уверенно перешагивал пеньки в сторону группы торгов. Те его не сразу заметили. Они были заняты чем-то у походного стола.

Гингери не скрывался, шел напрямую, ломая ветки и раскидывая сучья.

Когда торги увидели его, то озадачено остолбенели. Они

не приняли позу покорности, и никто из них не оказал даже тени почтения донату. Это было странно, но в данных обстоятельствах было не так важно, по крайней мере, для Гропа.

– Нам нужно срочно попасть в город, – заявил Гингери, когда подошел на достаточное расстояние, чтобы быть услышанным.

– Кто вы такие? – Подозрительным тоном спросил один из группы.

– А вы сами не видите? – Мы донаты.

– Как вы тут очутились, донаты? – С усмешкой продолжил тот.

– Транспондер случайно забросил нас в горы, вот теперь пытаемся вернуться.

Гингери подошел достаточно близко, чтобы разглядеть на столе карту местности с нарисованными на ней стрелками. Один из торгов, как бы невзначай свернул ее и сунул в круглый футляр.

– Что ж, проходите на борт, – предложили им.

– Они предлагают нам грузиться в транспорт, – перевел Гингери, и Гроп удовлетворенно кивнул.

Ему поначалу эти торги показались подозрительными, поэтому он полагал, что они откажутся помогать.

Когда они заходили внутрь, то все глаза почему-то были устремлены на Гропа. Это сильно его напрягло. Что в нем было такого, чтобы так пристально его рассматривать.

Когда они расположились внутри воздушного судна, про-

изошла какая-то заминка, и хозяева стали эмоционально перешептываться.

После чего глава группы подошел к Гингери.

– Вы нас извините, донаты, у нас тут дилемма. Нам утром нужно лететь в город, а тут еще не вся работа проделана. Если мы сейчас повезем вас, то не успеем выполнить задание. Может, вы согласитесь переночевать тут с нами, а утром мы отправимся вместе.

Это прозвучало довольно убедительно и целесообразно.

– Если у вас найдется немного воды, – согласился Гингери.

Им выдали фляжку воды, палатку на двоих торгов, теплые одеяла. Так что ночь обещала быть комфортной.

Гроп давно уже не был так доволен. Неизвестно, что ждало их в городе, но тут они хоть выспаться смогут, как следует.

Палатку разбивали уже по темноте. В свете габаритных огней транспорта делать это было довольно сложно, даже для Гингери с его пятью руками. Гропу все казалось, что он больше путается под ногами у гиганта, чем помогает. Но когда закончили, поняли, оно того стоило. Палатка была просторной и звуконепроницаемой.

Они тут же улеглись по разные стороны и попытались уснуть. Но сон не шел, несмотря на дневную усталость. Слишком были возбуждены для сна. Гроп это понимал, и не очень старался уснуть. Но Гингери повернулся на бок, закрыл глаза и старался отключиться как можно скорее, что-

бы лучше отдохнуть.

Как и следовало ожидать, скоро Гроп остался в палатке один. Гингери сопел. Ему, наверное, уже сны снились. А Гропу еще захотелось по нужде. Он тихонько поднялся, расстегнул палатку и вышел на свежий воздух. Он сделал все, ради чего выходил, но возвращаться не торопился. Очень уж хороша была ночь.

Все небо переливалось алмазами звезд, легкий ветерок слегка колебал листья на ближайшем кусте, стрекотали насекомые, вокруг умиротворение. Гроп глубоко вдохнул влажный прохладный воздух.

Вдруг он услышал голоса. В транспорте кто-то спорил. Гроп не понимал, о чем речь, но шум был еще тот. Он решил посмотреть, что там происходит.

Пока он тихо подходил, шум стих. Спор прекратился, и можно было уже возвращаться в палатку, но что-то подталкивало его осуществить свой замысел. Он осторожно ступил на пандус и заглянул внутрь машины. В ярком искусственном освещении все было хорошо видно. Четверо торгов склонились над пятым. У одного в руках окровавленный инструмент.

Гроп за один миг понял, что произошло, и тут же пожалел о своем любопытстве. Кто-то из торгов почувствовал на себе его взгляд и резко обернулся. Их взгляды встретились.

Решение пришло само собой. Гроп опрометью бросился в ближайшие кусты. Торги за ним. Началась невообразимая

гонка.

Гроп надеялся воспользоваться темнотой, чтобы убраться подальше, но у его преследователей были с собой инфракрасные сканеры, так что у него не было шансов. Торги не только сильнее и тяжелее гуманоидов, они еще и быстрее. Из чащи на беглеца вывалилось мохнатое чудовище, так что Гроп не сразу признал в нем торго. Ему уже казалось, что он оторвался.

Его тут же скрутили, связали руки и ноги, приволокли в транспорт и бросили у стены. Спустя пару минут, притащили и связанного Гингери. Сонный великан лупал глазами, и не мог спросонья понять, что произошло.

Они сидели рядышком и смотрели на труп торго прямо перед ними.

– А ты говорил, что правило «торг не убивает торго» железно и нерушимо, – кивнул Гроп на помятое волосатое тело на полу.

Гингери не мог прийти в себя от изумления. Он такого еще не видел.

– Не понимаю, как можно преодолеть детский блок. Все малолетние торги проходят сеансы группового внушения, где им закладывают ряд социальных ограничений, в результате у торгов нет преступности.

– Не было, как видишь. Или была, но только ты об этом не знал, – недобро усмехнулся Гроп

Ему было даже немного радостно. А то он чувствовал

огорчение за всех гуманоидов, что они не таких, как торги, а недоделанные, что ли. Но вот перед ними доказательство, что все в порядке, если можно так выразиться.

– Что теперь с нами будет? – Этот вопрос в данное время волновал Гропа больше всего.

– Со мной не уверен, но убить тебя им вообще ничего не мешает, – сделал предположение торг.

Агрессоры вернулись, и, не обращая внимания на пленников, завернули тело в палатку и потащили наружу.

– Что они делают? – Изумился Гингери.

– Избавляются от тела, – удивленно подсказал ему Гроп, – что же еще. После убийства всегда избавляются от доказательств преступления.

– Ну, да. Тебе это должно быть хорошо знакомо. Слышал, что убийство – любимое занятие гуманоидов, – едко заметил Гингери.

– Эй, это не я сделал! Так что нечего на нас бочку катить! – Возмутился Гроп. – Лучше скажи, что нам теперь делать.

Гингери на минуту задумался. Гроп уже начал волноваться за своего застывшего друга, как тот очнулся.

– Мы можем попробовать закрыть пандус, вряд ли они взяли с собой блок дистанционного управления, – выдал он.

– Но как? Мы же связаны так, что даже не можем подняться на ноги, а я так вообще не дотянусь до этой штуки на стене даже в свободном состоянии.

– У меня на руке гравитационный браслет. Я его никогда

не снимаю, а они, вероятно, не в курсе, что это. Такие носят только военные или служба безопасности. Если ты сможешь мне перевернуться на правый бок, я попробую что-то сделать.

Гроп вспомнил сногшибающий эффект от этого браслета, и ни на секунду не засомневался в благоприятном исходе этой затеи. Он уперся плечом в друга и поднапрягся. Но этого оказалось недостаточно, чтобы перевернуть взрослого торга. Тот тоже старался помогать, сучил ножками и извивался, но ничего не вышло. Тогда Гроп повалился на пол, уперся ногами в стену, а головой в бог Гингери и напрягся, что было мочи.

Волосатое упругое тело медленно перекатилось на бок. Теперь браслет на одной из его рук был направлен в нужную сторону.

– Голову убери! – Рыкнул Гингери на любопытного Гропа.

Тот едва успел прижаться щекой к холодному полу, как торг сложил секретную комбинацию из пальцев.

Браслет сработал, как надо. Гравитационный импульс ударил в стену с выключателем, и бросил Гингери на противоположную стену. Пандус стал быстро закрываться. Снаружи слышались возбужденные голоса.

– Сработало! – Воскликнул Гроп и посмотрел на друга.

Тот безжизненной тушей валялся посреди помещения. Свежее воспоминание о мертвом торге, охладило все его внутренности. Не хватало ему остаться одному в этом недру-

желюбном мире. Жуткие предчувствия сжали его сердце. Но он даже не предполагал, что ждет его впереди.

Гало обещал, что это приключение будет забавным. Шутка ли, миллиарды поклонников на семи планетах! Немногие Гало бывали тут, но те, кто бывал, рассказывали, что у торгов всегда потменный прием. Когда-то давно торги признали их богами, и со временем верование в Гало выросло в традиционную религию торгов. А вы бы хотели попасть на планету, где все считают вас богом?

Правда, мы хотели всего лишь перекусить чего-нибудь. Все остальное для счастья у нас уже было.

Хотя и перекусить нужно было только мне. Гало питаются кремнием, а он один из самых распространенных элементов в космосе.

Мы уже подлетали к седьмой планете торгов.

– Седьмая планета. Она в системе голубой звезды, поэтому далеко от солнца. Но зато тут температура стабильнее. Тем торгам, которые тут живут, этот мир нравится. Многие из них выращивают красивые плоды, про которые говорят, что они вкусны.

Посмотрим, что у них изменилось за тысячу лет.

Планета приближалась словно шар на кегли. И вдруг замерла.

– Что-то не так? – поинтересовался я.

Одна из стен стала монитором. Чопорный торг уставился на нас холодным взглядом.

– Неопознанный корабль, вы находитесь в охраняемой зоне. Если вы немедленно не уберетесь, мы будем вынуждены открыть огонь, – бесстрастно заявил он.

– Открыть огонь? Ты же говорил, что вы тут боги! – Изумился я.

Гало отправил им сигнал, о том, кто мы и что хотели бы.

– Вы опоздали на несколько сот лет. Теперь в Гало уже никто не верит. А у меня приказ, который невозможно нарушить. Приказ никого не впускать. Так что, кто бы вы ни были, разворачивайтесь.

– Мы научили вас всему, что вы знаете. Мы дали вам оружие, которым вы сейчас нам угрожаете. Не думаю, что применять его к нам – хорошая идея, – Гало думал убедить торговца, и продолжал приближаться к его кораблю.

Военный корабль торговца был гигантом, по сравнению с нами. На его фоне мы выглядели как стрекозы или бабочка.

И вдруг они выстрелили.

Это был выстрел из гравитационной пушки. С такого расстояния Гало разлетелся на мелкие кусочки, будто хрустальная ваза, брошенная на асфальт. В последний краткий миг, я увидел, как все вокруг меня брызгами разлетается во все стороны, и страшный ледяной холод охватывает меня со всех сторон...

Снова на Земле

Я словно очнулся ото сна. Приятный прохладный ветерок гладил мою лысую голову и поднимал на руках волоски дыбом. За приоткрытым окном купейного вагона была черная безлунная ночь. Вдалеке блестели огоньки неизвестного населенного пункта. Колеса мерно отстукивали особый такт.

В первый момент я не понял, что происходит. Стал вспоминать. Ах, да, я же закончил школу, но никуда не поступил. Всему виной это биполярное расстройство. Помню, как после той драки мама Грищуков заявила, и меня принудили пройти психическое обследование. Там поставили диагноз и назначили лечение на полгода.

А когда пришла призывная компания, объявили меня полностью здоровым, и отправили в Стройбат. Наше отделение отправили в Тульскую область, на помощь тамошним строителям какого-то секретного объекта. Мы даже подписывали бумагу о неразглашении. Все это выглядело немного нелепо. Что может быть секретного в Тульской области? Но мне было все равно.

Большинство малозначительных событий в моей жизни вызывало в моей душе отторжение, а общение с людьми последнее время превращалось в пытку.

Уже год, как я потерял веру в людей. Это не удивительно, если учесть сколько раз мне приходилось сталкиваться с зло-

бой и несправедливостью. Кажется человек человеку волк.

Мне постоянно говорят, что я ничего не понимаю в жизни, поэтому она для меня настолько не интересна. Но что понимать в том, что сильный всегда обижает слабого? Или в том, что воины – зло знают все, все осуждают, но все равно они начинаются и их поддерживают? Кто те, непонимающие, которые делают это? Или как понять то, что наш Комот (командир отделения) жестоко наказывает новобранцев, которые плохо заправляют кровать, но помогает этим новобранцам распивать незаконно пронесенный в поезд самогон? От их пьяных разговоров невозможно находиться в купе. Хоть всю ночь стой тут, в коридоре!

– Эй, психованный, сбегай-ка к проводнику, скажи, пусть принесет нам чаю.

Это была лысая голова рядового Никитина, его посоловельные от самогона близко посаженные глазки смотрели на меня тупо и угрюмо.

– Точно псих обдолбанный, стоит тут, как статуя, а там выпивка уже заканчивается.

Никитин не сказал этого, а только подумал, а я услышал его мысли. Это было жутковато. Неужели опять?! Тогда так же начиналось, а потом вылилось в агрессию. Полгода лечения, неужели напрасно?!

Я в ужасе смотрел на Никитина, а в голове у меня пронеслись сотни мрачных мыслей о будущем.

– Этот обалдуй, похоже, человеческого языка не понима-

ет, – продолжал смотреть на меня Никитин.

Я опомнился. Нельзя было допустить, чтобы окружающие узнали про голоса в моей голове. От неприятных воспоминаний по спине пробежали мурашки. Особенно было неприятно то, что медицинская тайна вдруг стала общественным достоянием после призывной компании. Откуда-то все узнали, что у меня были проблемы с головой. Теперь каждый считал правомерным называть меня психом, вместо настоящего имени. Даже наш Комот не был исключением.

Испугано тарашиться на Никитина было ни в коем случае нельзя, и я посмотрел в сторону купе проводников. Там все еще горел свет. Слава Богу! Было бы неприятно будить этих людей из-за прихоти охмелевшей солдатни.

В несколько неуверенных шагов я достиг света и заглянул внутрь. Низенький бородатый человек с добрыми черными глазами удивленно встретил мой взгляд.

– Нельзя ли шесть чаю в третье купе? – виновато поинтересовался я.

Он бросил быстрый взгляд на градусник титана за моим плечом.

– Почему же, можно. Сейчас сделаем, – радушно согласился он, а сам подумал, что этим новобранцам отцовского ремня не хватает. Вот он в их возрасте таких бы от отца отхватил, что до пенсии не забыл бы. А из этих кто сделает хороших людей? Не этот сержант, это точно.

Он вздохнул, отложил в сторону журнал, закрыл колпач-

ком ручку и потянулся за мытыми стаканами.

Я вернулся на свое место, чтобы не мешать никому жить. Тут было так спокойно и приятно одиноко.

Чай закончился не скоро. Они долго о чем-то болтали, потом завели горячий пьяный спор о политике, так что чуть до драки не дошло, потом достигли стадии объятий и лобызаний. В общем, разошлись только часам к двум ночи.

Я тихонько проскользнул на свою верхнюю полку, так чтобы никого не разбудить или не привлечь к себе внимания. Человеческое внимание мне не нравилось более всего. Особенно теперь, когда мои проблемы вернулись. Ведь я совсем не хотел знать, то что я слышу, это они на самом деле думают, или мое больное подсознание комментирует выражение их лиц и позы. Психиатр все время мне это внушала, предлагала проверить, чтобы я прочитал ее мысли, а потом она скажет, верно ли я их прочитал, но я рядом с ней чувствовал себя очень скованно и никак не мог этого сделать. И только однажды, на подобную ее просьбу, я услышал, как она думала, что если бы я действительно мог читать ее мысли, то было бы неприятно, когда я узнал бы про ее распадающийся брак и роман с заведующим больницей. Ведь ей не хотелось, чтобы люди узнали, чем они занимаются в его кабинете, во время обеденного перерыва.

Как, скажите на милость, я мог пересказать ей эти ее опасения. Не помню, что я тогда смущенно сморозил, но она потом долго и неискренно смеялась.

Я лежал на своей постели и с ужасом представлял, что теперь я опять начну слышать все эти мерзкие тайны и гнилые мысли. Люди потому и общаются друг с другом, что не знают мыслей друг друга. Иначе им было бы тошно так лицемерить, стыдно так поступать с ближними, и горько от своей несдержанности.

Утром, на рассвете, подъем, одевание, высадка с поезда, переезд на больших Уралах на секретный объект где-то в глуши лесной. Потом проверка на наличие живности, переодевание во внутренний распорядок, от одежды, до точного времени полдника и отбоя. Одним словом, рутина.

Я целый день стараюсь отстраняться от людей, чтобы не слышать этих голосов в моей голове. Я заметил, что можно, если не контролировать этот процесс, то хотя бы сдерживать. От всего этого я на самом деле боялся сойти с ума. Слышать, как человек говорит тебе одно, и в это же самое время думает совершенно другое, кого угодно сведет с ума. А это встречалось сплошь и рядом.

Вечером, за ужином произошло ЧП. В столовке, Костян, один из нашего отделения, нечаянно толкнул поднос одного из местных дедов и плеснул ему горячим супом на колени. Он тут же попытался испуганно извиниться, но тот схватил его за голову и треснул лицом о стол. Новобранец тут же потерял сознание. Набежало народу видимо-невидимо. Унесли раненного. Начали разбирательство. Но никто ничего не видел, а те, кто видели, соседи и сослуживцы деда,

все только отрицали. В этот вечер дело закончилось отмыванием от крови стола и пола. Всем показалось, что инцидент исчерпан.

Но Костян не дожил до утра. Ночью в лазарете он скончался от кровоизлияния в мозг. Потом экспертиза выяснила, что парень сломал себе переносицу о железную тарелку, части сломанных костей попали в мозг.

Этим же утром приехала чрезвычайная комиссия и представители следственного комитета и прокуратуры. Началось масштабное расследование. Перепуганные местные власти тряслись за свои должности и пенсии, внушали нам, чтобы мы говорили одно – парень поскользнулся и ударился. Никто не виноват. И волки сыты, и овцы целы.

Но я был не согласен со вторым утверждением. И когда служители правопорядка снимали показания в тайной комнате, я под присягой и на камеру рассказал все, как было. Мог рассказать кто, что думал, но не стал перегибать палку. Я понимал, что это может мне дорого обойтись, но я ведь не переносу этого лицемерия и подлости.

Вызывает меня Комбат. По его усталому лицу понятно, как все это его уже достало.

– Садись, Федор, – хмуро командует он.

Я присел на краешек стула, весь в напряжении, не каждый день вызывают новобранцев к Командиру батальона.

– Как это понимать? – Повернул он ко мне монитор, на котором был я в тайной комнате.

Мне было досадно, обидно и я злился, когда что-то из тайного в моей жизни становилось явным. Можно сказать, что тут у меня был пунктик.

– Вы всем показываете то, что происходит в тайной комнате? – вопросом на вопрос ответил я.

Такой дерзости я бы себе не позволил, если бы так сильно ни разозлился.

А парень не промах, хотя на первый взгляд хлюпик, подумал Комбат, и недовольно поморщился, но не от моего вопроса, а от своего поступка. Это неожиданное открытие меня приятно удивило, и вызвало приступ уважения к старшему по званию.

– Мы тут одни, а мне по рангу полагается это знать, – слегка оправдался он, – итак?

– Все, что я там сказал – чистая правда. И от своих слов я не собираюсь отказываться, если вы об этом.

Какой ершистый, про себя улыбнулся Комбат, но на лице его не дернулся ни мускул.

– Я не об этом, – миролюбиво парировал он – я бы не поверил тебе, если бы кое-кто не утверждал подобного. Но твой рассказ удивительно подробный. Обычно люди в бытовой обстановке не замечают многих деталей, игнорируют. А ты вспомнил все очень подробно, и это при том, что ты сидел на другом конце зала. Это поразительно.

Я неопределенно пожал плечами, потому что честно не знал, чего от меня хотят.

– Я теперь думаю, что делать с показаниями очевидцев за злосчастным столом, ведь они тоже были под присягой?

Выглядело все так, будто он советуется со мной.

– Они лгут, – безапелляционно отрезал я.

– То, что лгут, это ясно. Понятно даже почему, но как с этим быть?

– Можно доказать. Но эти доказательства не будут приняты в суде, однако их можно предъявить виновным, чтобы они поняли, что попались на даче заведомо ложных показаний, и вынудить их дать другие показания, – тут же предложил я.

– Ну-ну, молодой человек, что за доказательства? – Ожился Комбат.

– Мне нужно видеть их показания.

Он порылся в компьютере, и снова повернул монитор так, чтобы я мог его видеть.

На экране был один из ближайших соседей виновного.

– Посмотрите, когда он говорит общеизвестные вещи или бесспорные, то смотрит прямо или на свои руки, а когда начинает рассказывать о событиях, то его, взгляд откатывается влево, он обращается к творческой части мозга, чтобы использовать фантазию, а не факты.

Комбат просмотрел этот момент еще раз и удовлетворенно поджал губы.

– А этот, – он повернул ко мне другого.

– У него то же, да еще он виновато опускает глаза, когда лжет, и руки скрестил на груди, и ноги положил одну на дру-

гую.

– А этот?

– Этот, когда лжет, подносит ладонь к губам, как будто хочет прикрыть свою ложь – классика жанра.

Комбат удивленно уставился на меня.

– Я увлекался психологией, – смущенно оправдывался я.

– А знаешь, менталист, я забираю тебя к себе в штаб. Будешь жить в офицерском общежитии и работать у меня в секретарях, – неожиданно заявил Комбат и довольный откинулся на кресле. – Завтра поговорим с этими свидетелями, посмотрим, что они на это скажут. Ступай, собирай вещички. Сегодня же переезжаешь. Не хочу рисковать, там еще остались дружки виновного.

Я вышел из кабинета счастливый и ошарашенный. Надо же, как обернулось все!

Армейские радости

Два месяца прошло, как болезнь вернулась. За это время Федор смог убедиться, что голоса в его голове это реальные мысли людей.

За это время он ни разу не видел тех загадочных и красочных снов, что были прежде, и это серьезно подталкивало его к размышлению о невероятной правде. Похоже было, что Федор – одна из ипостасей Нострима, который захватил не только его, но и Тонье, в свое время.

Был ли он с ним всегда, или вселился в него в детском возрасте, но факт оставался фактом, этот Ностирим наделил его сверхестественными способностями.

Чем больше он думал об этом, тем страшнее ему становилось. А еще надо было признать реальными все приключения из его снов. Ему постоянно хотелось вернуться туда, но не было никакой возможности, он не знал, как это сделать, и возможно ли это.

Ему казалось верным предположение, что со смертью Тонье, он вернулся в свое прежнее тело, которое некоторое продолжительное время жило само, без него. И тогда приходилось признать, что он на самом деле не Федор, а тот самый Нострим, потому что именно он переносился в другие миры, а настоящий Федор, тем временем, оставался дома, в Москве. И только пользуясь его памятью, он мог вспом-

нить, что происходило в этот период, но пока он не задастся целью вспомнить, в его голове нет этих воспоминаний.

Это просто сносило крышу. Как можно было к этому относиться? Но мы есть те, кто мы есть, и поэтому он скоро обжился с этой мыслью и задался целью раскрыть свои скрытые возможности.

Теперь он уже не только слышал мысли окружающих, но и вспомнил, как погружаться в головы людей находящихся от него на значительном расстоянии.

Комбат был замечательным человеком и командиром. За эти два месяца они сильно сблизились. Между ними пролегли тихие тропы молодой дружбы, пока еще ни к чему не обязывающие, но уже приносящие много приятных минут совместного труда и досуга.

Все было хорошо, пока не пришло время квартального заседания штаба, где должны были собраться все местные командиры, для обсуждения важных организационных вопросов.

Ничего не предвещало беды, и когда Комбат сказал, что хочет видеть его на этом совещании в качестве секретаря, то не было в этом ничего странного.

Утром того дня, Комбат неожиданно подошел к столу секретаря.

– Мне бы хотелось, чтобы на заседании ты смотрел в оба, может заметишь в поведении людей чего интересного, а потом обсудим, угу? – Проговорил он тихо, доверительно.

Федор согласно кивнул, и подумал, что долго же он собирался духом, чтобы воспользоваться секретарем.

Собрание было назначено на два часа дня, но без четверти все уже собрались, и заседание открыли.

На повестке было несколько вопросов, суть которых совершенно не интересовала Федора. Его задачей было приглядеться к людям.

За то короткое время, что он провел в армии, он убедился, что большинство военных – люди до крайности грубые и пошлые. Даже если они на людях не показывают своего внутреннего человека, то заглянуть в их мысли порой бывает сущим наказанием. По этой причине Федор старался отстраняться от мыслей этих людей, но не сегодня. Ведь у него было задание.

По-началу он не знал, за что зацепиться, кого слушать. От какофонии голосов у него начинала болеть голова. Пришлось сменить тактику. Он скользнул по поверхности, не прислушиваясь, но и не отстраняясь, чтобы найти хоть что-то интересное.

Оказалось, что едва ли пара человек думала над насущным вопросом. Все остальные были заняты чем угодно, только не заседанием.

Несколько человек прямым текстом думали о том, чтобы это заседание поскорее закончилось, потому что у них есть дела поинтереснее.

Вдруг у одного из мужчин он ощутил агрессию. Что-что,

а этого он тут не ожидал. Прислушался.

– Этот мерин до сих пор не подозревает, что ребенок у его женошки совсем не его, – думал крупный мужчина довольно брутальной наружности.

Неожиданно Федор осознал, что эти мысли направлены на Комбата. Что речь идет именно о его жене и ребенке. От неожиданности его бросило в жар. Этого еще не хватало! Зачем ему подобные тайны? Что он будет с ними делать?

– Завтра в увольнении мы с ней повеселимся, а он пусть работает. Он тут нужен больше, – продолжал смаковать свои мысли тот.

Федору стало неприятно от дальнейших подробностей, и он отстранился.

Больше слушать уже никого не хотелось. Мало ли, что может всплыть. Уж лучше неведение.

Но настроение ухудшилось. Как он оказался замешан в это неприятное дело? Теперь на нем ответственность, но как поступить правильно, он понять не мог

С одной стороны, дружба обязывала его рассказать всю правду Комбату, но как объяснить, откуда он это взял? С другой, это может быть чревато, не только для их отношений, но и для жизни его жены и ребенка. Что если от его слов в последствие они разведутся, ребенок будет расти без отца...

Сложный выбор.

Совещание окончилось, и в комнате повисла атмосфера

всеобщего удовлетворения. Некоторые были рады, что организационные вопросы решены, и эта рутинная работа уже позади, еще три месяца можно работать спокойно. Другие радовались, что на их долю в этот раз не выпало никаких дополнительных задач, а значит, не будет дополнительной отчетности и лишней бумажной волокиты. Но большая часть, все-таки воодушевлялась сиюминутной свободой. Одни хотели поскорее побыть в кругу семьи, другие напротив, рассчитывали еще успеть сходить налево, а кому-то просто не терпелось сделать ставку и просадить пару-тройку заваливающихся рублей в казино. Люди еще не вышли из зала заседаний, а уже никто не думал про работу.

– Что скажешь? – Счастливо улыбнулся Федору Комбат и обнял его по-отечески за плечи, когда они остались в зале одни.

– Даже не знаю, – честно признался тот и тяжело вздохнул.

– Что такое, мой мальчик? Заболел?

– Нет, физически со мной все в порядке. На заседании кое-что произошло, и я не знаю, как вам об этом рассказать.

– Говори как есть, а потом разберемся, – Комбат поставил саквояж к ножке стола и пригласил Федора присесть.

– Тот человек, крупный такой мужчина, третий от вас сидел, справа, – начал неуверенно он.

– Ну, Геннадий – снабженец, – подсказывал, как в школе, Комбат.

– Геннадий. Он все заседание вел себя очень специфич-

но... что ли. У него к вам, определенно, скрытые негативные отношения имеются, – Федор пытался подобрать слова и при этом не сболтнуть лишнего.

– Что еще за скрытые отношения? – Напрягся Комбат.

– Так ведут себя предатели. Может быть, он метит на ваше место и клеветает в высшие инстанции; может, соблазнил вашу жену, и втуне посмеивается над вами; или просто ненавидит платонически, без всякой веской причины, но такое бывает реже.

Комбан нервно, но искренно хохотнул и поднялся из-за стола.

– До моего места ему не дотянуться, а для моей жены он не достаточно умен, – он пригласил Федора на выход и сделал жест, чтобы тот не брал лишнего в голову, но сам при этом посерьезнел.

– Я бы на вашем месте присмотрелся к этому Геннадю. Психология довольно точная наука, – сделал последнюю робкую попытку Федор и закрыл тему. В коридоре они разошлись, и каждый отправился по своим делам.

Следующие две недели прошли без происшествий. Все шло своим чередом, и это неприятное заседание ушло в прошлое, почти забылось.

Одним дождливым вечером, когда уже расходились после обычного трудового дня, Федор заметил странную задумчивость, даже озабоченность в Комбате.

– Все в порядке? – Спросил он у него на выходе из адми-

нистративного здания.

– Не бери в голову. Все будет хорошо, – пообещал тот и шагнул под небесную воду.

Следующим утром работники оперативного отдела арестовали Комбата и увезли в следственный комитет при армии войск. Оказалось, Комбат выяснил, когда у Геннадия увольнительная и застукал его у себя в доме со своей женой. Он застрелил Геннадия из штатного оружия и вызвал полицию.

С тех пор Федор больше уже не видел Комбата. На место командующего назначили временно исполняющего, а Федора отправили за ненадобностью обратно в казармы.

Это был серьезный удар. Он думал, что если правда выйдет на свет, то могут быть проблемы, но не такие. Почему все так до крайности осложнилось? Он потерял друга, хорошее место, а, главное, душевное равновесие и спокойствие. Все опять стало неопределенно. Будущее вновь покрылось густым туманом. Пришлось вспоминать казарменные порядки, чтобы влиться в знакомый, но неприятный ритм жизни.

На утреннем построении Ротный остановился напротив него и приказал выйти вперед.

– Подобные выскочки, – начал он всем про меня, – всегда попадают в неприятности, и рано или поздно возвращаются в свой коллектив опозоренные, с поджатыми хвостами. Это пример для всех! Никогда не отрывайтесь от коллектива! Вы – солдаты, единое тело, так чтобы жить и умирать

вместе! А фаворитизма в своей среде мы не потерпим. – Он многозначительно и упрямо посмотрел Федору в глаза.

Подобное отношение было совершенно несправедливо, с точки зрения виновника событий. Федор злился на Ротного. Очень злился. И без того на душе был гадко, так еще этот пустобрех раскачался на целую проповедь.

Федор заметил в углу за дверью ведро для мытья полов. Дежурный не успел вылить из него грязную воду, после мытья казармы и аккуратно накрыл его тряпкой в углу, чтобы не бросалось в глаза. Федору так захотелось напоить Ротного этой хлорной жижей, что он сказал ему мысленно:

– Пей грязную воду из ведра.

Ротный неожиданно оборвал свою речь, словно у него в горле пересохло, осмотрелся и уверенно направился к ведру. На глазах у сотен солдат он снял с ведра тряпку, как крышку с йогурта, поднял ведро к лицу и с видимым удовольствием утолил свою жажду.

Вздых изумления прокатился по рядам. Такого им еще не приходилось видеть. Федор вдруг осознал, что он только что научился давать установку. Этот первый опыт так понравился ему, что он решил продолжить.

Ротный окинул солдат своим хищным орлиным взглядом и плеснул из ведра прямо на солдат. Чинные ряды солдат покачнулись и распались, как карточный домик. Началась невообразимая неразбериха. Кто-то стал драться, офицеры младшего состава пытались остановить беспорядки, но они

лавинной охватили весь строй. А Ротный хохотал, словно сумасшедший.

Когда подоспела помощь, долго ловили Ротного, который быстро бегал, больно бил и ловко уворачивался от медицинских работников. Это было невообразимое ЧП, весть о котором долетела до самого верховного командования.

Два вопиющих инцидента почти одновременно привлекли особое внимание контролирующих органов. Гостей понаехало немерено. Инициировали несколько проверок из разных инстанций, так что в батальоне царил удивительный порядок. Офицеры были профессиональны, вежливы, солдаты ходили по струнке, порядок воцарился даже в столовой. Кормить стали значительно лучше.

Но во всем этом было одно неприятное обстоятельство. Федор засветился всюду. Он был на виду рядом с Комбатом, и тут же перед всеми, рядом с Ротным. Хоть и не понятно как, но проверяющим казалась очевидной его связь с этими двумя происшествиями.

Допросы и расследования ни к чему не привели, но к Федору осталось повышенное внимание не только от гостей, но и от местных офицеров. Его стали уважать и побаиваться, каким-то религиозным страхом. Суеверие прочно прилепилось к персоне Федора, и одни думали, что он чистое зло, и от него лучше держаться подальше, а другие полагали, что на его стороне Бог, и всякий, кто вольно или невольно причинит ему зло – поплатится. Так или иначе Федора стали

сторониться.

Пришелец

– Нарушение периметра! – как взбалмошный подросток заорал Крон.

Крон был у нас Смотрящим, он сутками таращился в мониторы в надежде, что когда-нибудь случится хоть молозначительное происшествие, и наши многочисленные нетревожные тревоги сменятся хоть одной единственной настоящей, волнующей.

За пару лет моей службы в пограничном корпусе таких ложных тревог было уже несколько. Кроп всякий раз принимает за агрессоров космические тела без признаков жизни. Да и кто, скажите на милость, сунется в нашу тьму-таракань, если за тысячи лет не было ни одного прецедента.

Это наш правитель заболел идеей развития торгского общества. А что за развитие общества, если его вооруженные силы при этом не развиваются, и нет никакой охраны границ.

Этого он нахватался в чужих мирах, где на малых территориях собралось слишком много живых существ, и им приходится бороться за каждый клочок пригодной для жизни планеты. Но у нас-то никогда не было подобной проблемы, да и пригодных планет достаточно, чтобы торги могли спокойно размножаться еще тысячи лет. Мы вообще никогда не воевали, и насколько мне известно, не собираемся. Зачем все эти приготовления.

На вопль Крона никто внимания не обратил, каждый продолжал заниматься своим делом, ну, а не полагалось проверить информацию и доложить о результатах.

Я получил координаты, спокойно ввел их в программу и тут же получил обработанный отчет.

То, что я увидел, было очень странным.

– Движущийся объект в гравитационном поле! – тоже заорал я в коммутатор.

Все разом вздрогнули, оживились. Заработала слаженная команда. Все системы методично приводились в действие и за пару секунд мы уже были готовы к первому в своей жизни бою.

– Как думаешь, это чужаки, или правитель приготовил нам очередную проверку? – Возбужденно шепнул мне на ухо Крон.

– Откуда мне знать? – Стал нервничать я, не люблю, когда лезут в душу в ответственные моменты. – Нам все равно. Если проверка, то мы должны быть даже лучше, чем если чужаки.

– Почему? – Удивился тугодумный Крон.

– Потому что чужаки не знают нашего регламента, дурень! – Раздраженно шепнул я

– А-а-а, понятно, – с тупым выражение лица кивнул Крон

Терпеть не могу этого балбеса. Как он смог попасть на такой ответственный пост? Должно быть, смотреть – единственное, что он умеет делать хорошо.

В рубке появился Сигал, наш командир. Он бросил холодный взгляд на показатели в моем отчете.

– Все плохо, – буркнул он.

Все удивленно уставились на него.

– Это точно контакт, – пояснил тот, но мы все равно не поняли, что он имеет в виду.

– Если это враждебная раса, то мы ничего о них не знаем, и предположительно, потерпим неудачу по причине нашей неосведомленности. Мы не знаем ни их намерений, ни возможностей, не знаем ничего об их оружии, и без понятия, как можно защищаться от агрессии с их стороны.

Это объяснение всех нас очень расстроило. Нам хотелось верить в мирные контакты, новые знакомства, во что-то более приятное, чем военные действия.

– Но ведь это может быть дружественный контакт? – Толи спрашивал, толи перечил командиру Крон.

– Вы не были за периметром, – спокойно парировал тот, – и не видели чужаков. А я насмотрелся на них вдоволь. У них в головах только война, захват новых планет и подобная чушь. Именно это толкает их продвигаться в космосе. Поэтому наш правитель предпринял защитные меры, так как без них жить больше неразумно и чревато. Малоразвитые расы постепенно развиваются, и не за горами время, когда они научатся двигаться в гравитационных полях, и тогда торги окажутся в незавидном положении, потому что мы не учились воевать.

– Но этот объект уже рядом, и он возможно... – Начал кто-то из младшего состава.

– Именно тот случай, – перебил командующий.

– Объект начал торможение, сейчас появится на мониторах! – Завопил Крон, и все вздрогнули.

Перед нами на фоне абсолютной космической черноты появился малюсенький блестящий аппарат.

– Привет, – услышали мы в своих головах спокойный голос.

– Привет, – настороженно ответили мы в ответ.

– Гостей принимаете? – Спросил он.

Мне очень хотелось ответить, что принимаем, но Сигал громко перебил наши мысли.

– Нет, мы не принимаем гостей. Пролет закрыт. Торги не желают контактов с чужаками.

– Почему так грубо?! – Немного расстроился голос, и мы ощутили даже его эмоции, а не только поняли смысл слов.

– Планеты торгов закрыты для посещений, – повторил Сигал.

– У вас что, эпидемия? – Усмехнулся гость.

Сигал терпеть не мог юмор, этот признак вырождения.

– Разворачивайтесь и улетайте, мы все равно никого не пропустим дальше, – хмуро заявил он.

– Позвольте с вами не согласиться, вряд ли мнение одного торгога отражает мнение всего народа. Мне бы хотелось убедиться, что все они так агрессивны и недружелюбны. Я чув-

ствую в вашей команде есть несогласные. Поэтому позволю себе усомниться в ваших словах.

– Это угроза?! – заревел взбешенный Сигал.

Я чувствовал, что ситуация выходит из под контроля, но ничего не мог поделать.

– Нет, спокойно ответил голос, – но предупреждение. Я не боюсь ваших угроз и намерен встретиться с вашим руководством. У меня есть множество деловых предложений, которые принесут много пользы всем нам.

– Огонь! – Заорал Сигал.

Нод, наш оружейник, неуверенно нажал на кнопку. Он надеялся, что ему не придется этого делать никогда.

Гравитационный импульс метнулся к маленькой точке в темноте. Мы все видели на мониторе, как волна мгновенно достигла цели и рассеялась на корпусе маленького аппарата.

– Ну зачем же так? – Огорчился голос.

В этом огорчении мы ощутили принятое неприятное решение, и от этого внутри екнуло страшное предчувствие.

Неожиданно весь наш огромный корабль затрясло мелкой дрожью и все соединения стали разбираться и раскручиваться сами собой. На наших глазах корабль стал разваливаться на части, причем откручивались даже столы и стулья от пола. Моментально разбирались компьютеры и другие сложные приборы.

– Так, а это что, гравитационный двигатель, ну конечно, он-то мне и нужен, – слышали мы все в своих головах дело-

вое бормотание.

Герметичность нарушилась и среди всеобъемлющей паники, наш корабль развалился в космосе...

Пограничный патруль

Стейниц уже заканчивал монтаж двигателя. Дело оставалось за малым – смонтировать несколько узлов обеспечивающих статику и магнитное поле. Все это было в наличии и в прекрасном состоянии. Прodelывал он это не выходя из рубки. Теперь ему не было нужды присутствовать при сборке, он и отсюда все прекрасно контролировал.

Коко долго отсутствовал, после того неприятного инцидента, он от расстройства увалился спать, и вот только что вышел из этого состояния и нехотя вплыл в рубку. Он старался не смотреть на Стейница, все еще сердился на него за гибель соотечественников.

– Как спалось? – Поинтересовался тот, только лишь, чтобы начать диалог.

Но торг не собирался так быстро сдаваться, а насуплено растянулся в своем кресле.

– Судя по твоему настроению, паршиво, – усмехнулся Стейниц на такое откровенное ребячество.

– При чем тут сон?! – Вспыхнул тут же он. – Ты только что убил торгов, много торгов.

– Ну, – хотел дать ему выговориться Стейниц.

– Торги не убивают торгов! Ты не знал?

– Но я не торг, – делано удивился тот. – А ты не делал ничего предосудительного.

– Я не помешал тебе делать предосудительное и стал твоим сообщником.

– Не кори себя, во-первых, ты бы не смог мне помешать, во-вторых, ты не мог стать моим сообщником, потому что не знал, что я собираюсь делать.

– Все равно это неправильно! Это чудовищно! – Нервно подергивал головой Коко.

– Совсем недавно ты готов был признать меня своим божеством, а теперь я для тебя чудовище. Какое непостоянство! Я был с ними вежлив и терпелив, а они в ответ грубили, а потом и вовсе захотели нас уничтожить. Если бы ни мои способности, то мы бы превратились в космическую пыль. Это правильно и не чудовищно?

Торг молчал. Его внутреннее негодование прорывалось наружу обрывками неуверенных мыслей.

Стейниц все понимал, но ему уже надоели эти сопли, и он решил, что им больше не за чем спускаться на планеты торгов, ведь все, что ему было от них нужно, уже в его голове и на его корабле.

– Возвращаемся, – сказал он, и торг тут же оживился.

– Что значит, возвращаемся? Разве ты не хотел торговых отношений?

– Я понимаю твое стремление побывать в родных краях, но мы с тобой теперь на плохом счету. Уверен, прочие торги уже прознали про наши проказы, и теперь сюда стекается прорва твоих соотечественников желающих повоевать с чу-

жаками. Ты так расстроился о гибели одного корабля, можешь представить, что будет, если я разворочу тут целый флот.

Торг, слушая все это, обреченно опустил плечи. Он тоже серьезно опасался, что торги не спустят им такого поступка.

– Если хочешь, я могу высадить тебя на любой из их планет, где скажешь? – Предложил он, но торг только отрицательно покачал головой.

– Торг вне плана сразу бросится в глаза и скоро выяснится, что меня давно уже не было тут. А когда начнут разбираться, тогда будет много неприятностей. Теперь у меня есть ноги, на свое пропитание я смогу заработать в любом мире. Но, не тут, к сожалению.

– Очень жаль, – искренне посочувствовал ему Стейниц и начал разворот. – Рассчитаешь курс до Тезера?

Коко молча принялся за работу. А Стейниц откинулся и решил просканировать ближайший космос на наличие угроз. Торгов не было уже слишком долго. Их службы реагирования определено не на высоте.

Он окинул мысленным взором окрестности ближайшей обитаемой планеты и устремился дальше, все равно заняться пока было нечем.

Вдруг он ощутил мощное ментальное возмущение, не привычное периодическое, а постоянное. Такого он еще не встречал. Такие передачи должны были потреблять массу ресурсов. Его сильно заинтересовал источник, и он поспеш-

но двинулся в его направлении.

Стейниц слабо осознавал риск встречи с существом, обладающим такой ментальной мощью, поэтому без раздумий приближался к нему.

Эпицентр оказался не так уж близко. Пришлось распространиться до ближайшей солнечной системы, где находилась другая обитаемая планета торгов. Тут в совершенной пустоте среди множества каких-то осколков двигался по орбите небольшой кокон из блестящего материала.

Вблизи мощь излучения ощущалась еще отчетливее, словно кто-то поддерживал ментальную связь через огромные расстояния невообразимым направленным излучением.

Этот загадочный объект нельзя было оставлять без внимания. Его отец, так интересующийся всем ментальным, не простит ему, если он оставит это чудо здесь. Пришлось аккуратно, чтобы не попасть под воздействие направленного луча, доставить кокон на корабль.

Это заняло некоторое время. Коко уже нервничал. Он не безосновательно волновался о флоте торгов, но это того стоило.

Внутри кокона было живое существо, это точно. Можно было, конечно, просто уничтожить его и забыть. Но Стейницу самому было очень интересно выяснить, что это такое.

Они двинулись к дому, так и не встретив враждебного флота, и это радовало. Они везли с собой полный трюм трофеев, и не потерпели ни одной неудачи. Хотя плавание было

сопряжено с определенными трудностями.

Отец будет доволен...

Лесное сражение

Гингери был без сознания. По всей видимости, он ударился головой, но насколько сильно, сказать было трудно. Дышал он ровно, но не приходил в себя. Оставалось надеяться, что ему не нужна скорая медицинская помощь, потому что я совершенно не знал, что надо делать, а вызвать помощь тоже не знал как. Мы оказались заперты в этой консервной банке, словно мыши в мышеловке.

На этом корабле точно были средства связи, но я не знал, как ими воспользоваться. На нем можно было бы улететь, но я не знал как. Тут, наверняка, было оружие, но я не знал, как его найти и применить. Я даже сказать по-торгски ничего не мог. Без Гингери мы оба были обречены тут на смерть.

Возможно, без еды мы еще продержимся. Но без воды жить нам не долго.

Я уже осмотрелся и не нашел тут ничего полезного. Большие мониторы на стенах, как окна, показывали округу, передача шла с внешних камер. Торги убийцы скрылись за деревьями и не показывались. Очевидно, они опасались, что мы применим корабельное оружие. Но если бы не так, то все равно вряд ли смогли проникнуть внутрь. Однако было ясно, что они попытаются что-то сделать, чтобы выкурить нас, иначе им тоже придется несладко. Если поселение торгов было бы близко, то им не пришлось бы использовать такой

воздушный транспорт. Значит, идти до города долго. Выходит, пешком они туда вряд ли отправятся, по крайней мере, вместе. Не станут оставлять надолго корабль.

Они, должно быть, думают, что мы не можем управлять этой посудиной, так как мы еще не улетели. И они недалеко от правды.

Эта патовая ситуация приводила меня в полное отчаяние. Мне все время казалось, что Гингери вот-вот умрет, и я останусь совсем один. Мне осталось только присесть у стены и ежеминутно прислушиваться к дыханию торга, чтобы убедиться, что он еще жив. Снаружи не происходило ничего примечательного, я немного успокоился и постепенно стал дремать.

Разбудила меня странная дрожь. Поблизости на поляну сидел еще один такой же корабль. Сердце заняло от неприятного предчувствия. Я понимал, что уничтожить свой корабль вместе с нами они не станут, но технические возможности у них возросли – это точно. Уверенность, что они сюда не проникнут, растворилась, словно утренний туман.

Оставалось одно – тормозить Гингери. Я немного опасался причинить ему еще больший вред, но выхода не видел. Я стал толкать и трясти здоровяка, и... О, чудо! Он застонал и открыл глаза.

– Что случилось? – первым делом спросил он.

– Ты ударился головой о стену и пробыл в отключке невесть сколько времени. Я уже стал волноваться, что ты

не очнешься.

– Что делают те негодяи?

Я молча кивнул на мониторы.

Гингери увидел второй корабль и группу торгов. Те тащили к нам какое-то оборудование.

– Они намерены испортить дверь, – констатировал Гингери.

– А мы не можем по ним из пушки жакнуть?

Он посмотрел на меня, как на умалишенного.

– Это не военный корабль. Тут не может быть оружия.

– А тот?

– Тот тоже.

– Тогда, что нам мешает просто улететь?

Гингери неуверенным шагом подошел к пульту и нажал пару кнопок. Где-то в глубине машины загудели, задышали двигатели.

– Ничто не мешает, – спокойно ответил он.

Этот ответ прозвучал для меня, как лучшая музыка.

Вдруг другой корабль испустил импульс, и нас тряхнуло так, что мы упали на бок и покатались. От удара корабль наклонился. Двигатель взревел и заглох.

– Что это было?

– Оружие, – ответил изумленный торг, – откуда оно у них?

– Как мы еще живы? Вот главный вопрос.

– Это не сложно. Они не хотят потерять корабль. Эту технику сложно достать. У торгов подобное оборудование все-

гда на учете. Мне даже трудно представить, как им это удалось. Поэтому они постараются выцарапать нас, не повредив транспорт.

Они уже возились у входного пандуса, стучали и жужжали.

– Обшивка очень прочная, им придется повозиться, – холодно заметил Гингери.

– Но они с ней все-таки справятся?

– Без сомнения. За несколько часов.

Тут внутрь корабля брызнули искры, и маленькая белая дырочка стала быстро расти.

– Или минут, – невозмутимо добавил Гингери.

– И, что, мы ничего не будем делать?! – Одна мысль о бездействии удручала меня больше, чем ее подруга «о смерти».

Умереть без борьбы было досадно.

– А что мы можем? – Обреченно развел руками торг.

– Мы будем сражаться. Они не возьмут наши жизни даром, – горячился я.

– Они многократно превосходят нас числом. У нас нет и малейшего шанса.

– Разве я говорил про шансы. Речь о сопротивлении, о борьбе.

– Но у нас даже оружия нет, – пожимал плечами торг.

– У тебя есть браслет, а у меня смекалка.

– Браслет почти бесполезен в таких маленьких помещениях, ты сам видел. А что предлагает твоя смекалка? За стеной

огромные торги, каждый из которых сильнее тебя в пять раз.

Я лихорадочно осмотрелся, подобрал какую-то небольшую емкость у стены и облегчился в нее. Потом подошел к пандусу и выплеснул содержимое в раскаленную добела дыру. Разогретый пар рванулся в обе стороны, только я к этому был готов, а тот, с другой стороны, нет. Даже сквозь стену мы слышали вопль.

– Думаю, один из них уже ничего не видит, – гордо поднял я голову.

Гингери ошарашено смотрел на меня, толи удивленно, толи напугано.

За стеной произошла заминка. Хотя бы на время, но дверь перестали резать.

– Наверное, предпринимают меры предосторожности, – злорадно усмехнулся я.

Когда работа возобновилась, Гингери снова запустил двигатели. Корабль качнуло, торги в ужасе бросились врассыпную из-под машины. Наблюдать в мониторе за этим было забавно. Двигатели тут же были выключены, чтобы не спровоцировать новый выстрел с их корабля.

– Долго так мы не сможем, когда они ворвутся, то будут очень злы, – заметил Гингери удовлетворенно.

Ему тоже понравилось сопротивляться, и теперь его глаза шныряли по интерьеру в поисках чего-нибудь еще, чем можно было бы осложнить жизнь нашему противнику.

– Можно включить защитное поле, оно действует только

на быстродвижущиеся объекты, так что они его не заметят, а тем временем на корпусе накопится высокий потенциал.

Он говорил это и набирал на панели какую-то сложную комбинацию.

Мы с замиранием сердец наблюдали, как осторожно возвращаются торги. Один из них коснулся рукой обшивки корабля и тут же рухнул, пораженный электрическим разрядом. Остальные опять отпрянули. Их осталось только трое, но из соседнего корабля двое уже спешили им на помощь. Они несли с собой новый прибор.

– Что это у них?

– Это лучевое оружие лавринийцев, – мрачно пояснил Гингери, – откуда оно у торгов? Его можно достать только в дальних мирах.

– Значит, у этих торгов имеются военные корабли? – Пришла мне мысль.

– Или в этом деле замешано правительство, – добавил он.

– В таком случае дело куда хуже, мы не будем в безопасности ни тут, ни в городе.

Торги добрались до дырки и начали стрелять в нее. Розовые лучи засверкали, заметались по помещению, разносили все, во что врезались. Искры, дым, грохот взрывов наполнили все вокруг.

Мы скрылись за переборками у стены и терпеливо ждали окончания огня.

Оружие лавринийцев оказалось качественным, батарея

долго не садилась. За это время внутри стало почти невозможно дышать от гари, температура значительно возросла. Надрывно загудела система жизнеобеспечения, фильтры сухо засосали воздух.

Наконец выстрелы прекратились. Мы осмотрелись. Панель была повреждена. Мониторы пришли в негодность, так что мы остались без зрения.

Гингери колдовал у панели.

– Кое-что еще можно предложить, – бурчал он, вдавливая кнопки.

Удивительно, что вообще еще хоть что-то работало. Тут был полный хаос.

– Что ты делаешь? – Заглянул я ему через плечо.

– Включаю резонансный анализатор. С помощью его корабль сканирует породы перед посадкой, чтобы не сесть на нестабильной площадке, на оползень или пески. Во время посадки под кораблем конечно никого, а включить анализатор в нештатном режиме не так легко, но возможно. Нас защитит обшивка, а вот им это не понравится.

Корабль мелко завибрировал, снаружи донеслись дикие вопли. Прозвучал глухой, но сильный взрыв.

– Что это было?

– Похоже, сдетонировала батарея в оружии. Видимо, они не рассчитаны на подобные вибрации, – Гингери удовлетворенно выпрямился.

– Они там еще живы?

– Наверняка. Но чувствуют себя скверно, это точно, – подбоченился он двумя парами рук.

Атака противника, по всей видимости, захлебнулась. Должно быть, они отступили для перегруппировки. Тем временем мы осмотрели панель на предмет повреждений, и убедились, что все не так уж плохо. Большинство важных функций работало, так что даже полет был не исключен. Удручала лишь полная слепота. Один из мониторов физически не пострадал, и Гингери обнаружил повреждение проводки. Он быстро поменял кабели от фронтальной камеры, и у нас появилась картинка части поляны с враждебным кораблем. Движения не наблюдалось, так что можно было надеяться на некоторую передышку.

– Больше они к кораблю не подойдут, будут опасаться анализатора, – хмуро размышлял Гингери, рано или поздно им придется уничтожить корабль, чтобы замести следы.

– Так, может, нам улизнуть, пока они не видят? – Посетила меня гениальная мысль.

– Далеко мы не уйдем. Они на транспорте быстро выследят нас в инфракрасном спектре, и если у меня еще есть шанс, то тебе не убежать от торга.

– А если мы завернемся в теплоотражающий материал, – показал я на куски блестящей ткани, обрывками свисающей с потолка во многих местах.

Гингери задумчиво почесал макушку.

– Это может сработать, и, учитывая то, что других идей

нет, – он сорвал кусок материала и быстро обмотался им, – стоит попробовать.

Но выйти мы не успели. Вражеский транспорт поднялся воздух, подлетел ближе и выстрелил по нашему кораблю. На этот раз мощность выстрела была больше. Нас тряхнуло так, что мы чуть до потолка не подлетели.

– Надо пристегнуться, – пробормотал Гингери, забираясь в кресло.

Я потряс звенящей головой и последовал его примеру.

Потом последовал еще удар, за ним еще. Все наши внутренности сотрясались вместе с кораблем, от этого кружилась голова и подташнивало.

– Они еще пытаются навредить нам, не повредив кораблю. Значит, у нас еще есть немного времени, – прокомментировал ситуацию Гингери, но мне было уже так плохо, что эта реплика пролетела у меня над головой.

Страшно было очень. Сознание твердило, что смерть неизбежна, надежд на спасение больше не было никаких. Но жить хотелось неимоверно. Так что я готов был дальше жить хоть под этими страшными ударами, лишь бы они не надумали разнести нас в клочья.

Вдруг в верхней части экрана сверкнула черная точка. Она очень быстро увеличилась, и я с изумлением узнал в ней дракона из старых религиозных историй и картин.

Этот дракон стремительно пронесся над нами и полыхнул ярким пламенем по враждебному нам кораблю. Часть

его от этого пламени тут же испарилась, транспорт наклонился и неуклюже рухнул среди деревьев. Дракон сделал над ним небольшой круг и элегантно приземлился на поляне.

На наших глазах он трансформировался в знакомый нам шатл.

– Не может быть! – Выдохнул Гингери, – а он тут откуда?

– Какая разница? – Заспешил я к выходу.

Это было нашим спасением, все остальное было уже неважно. Надо было торопиться, вдруг торги попытаются закончить начатое. Совсем не хотелось больше находиться в этой полуразрушенной железяке.

Мы выбрались наружу и кинулись к Гало. Только когда мы оказались внутри, ощущение смертельной опасности прошло. Шатл поднялся в воздух и медленно поплыл над деревьями. Опасность миновала. В такое неожиданное спасение даже не верилось. Но как такое возможно?!

Город Гох

Они летели на восток, а точнее, на восточное побережье, где находился великий город Гох. Именно там размещалось правительство, управляющее всей планетой. Под ногами, сквозь прозрачный пол, мелькали небольшие поселки, большие поля и различные плантации. Планета славилась производством натуральных плодов, которые пользовались успехом во всех семи мирах. Поэтому, большая часть суши была отведена под сельское хозяйство.

Несколько крупных городов, в которые стекались все произведения земли, были оплотом цивилизации.

– Почему именно Гох? Тут, что только один город, чтобы нам лететь на другую сторону планеты? – Слегка негодовал Гроп

Он, как только миновала смертельная опасность, тут же сильно проголодался. Ему хотелось скорее уже оказаться среди цивилизации и поесть да выпить.

– Мы с господином, желая развлечься, прибыли к планетам торгов, но нас встретили агрессией, я утратил бдительность, и был застигнут врасплох. Меня разметало выстрелом на большое расстояние, так что пришлось долго собираться. Я успел спасти Тонье в колыбели, но на нее потребовалось потратить некоторую часть меня, без которой я не могу передвигаться в гравитационном поле.

Мое восстановление было слишком долгим. К тому времени, как я смог обрести первую форму, Тонье с колыбелью уже не было рядом. Кто-то похитил его.

– Торги? – Удивился Гингери.

– Вряд ли, они отправились в сторону Казера. Именно оттуда я получаю сигнал колыбели. Теперь, чтобы быстро туда добраться, нам нужен один из кораблей торгов. Если мы промедлим, и колыбель вскрыют, она перестанет передавать сигнал, и мы потеряем господина.

– Тонье постоянно попадает в какие-то неприятности, – ворчал Гроп, ему совсем не хотелось теперь заниматься спасательными операциями.

– Сказал человек, которого только что от смерти спасли, – напомнил ему Гингери.

– Кто может решить наш вопрос? – Гало было предельно сосредоточен на деле.

– Правитель, наверняка, глава войск, возможно, и я, но маловероятно, – отчитался Гингери.

– Значит, будем искать правителя, – решил Гало и начал посадку.

Под ними уже мелькали многочисленные постройки, оживленные улицы и паникующие торги.

Гало верно рассчитал, когда приземлился на площади перед самым большим строением города. Это было что-то типа мэрии, и именно тут следовало искать правителя в первую очередь.

Когда пассажиры благополучно выгрузились на мостовую, Гало принял удобную и более привычную для него форму дракона.

Торги сусликами вытянулись там, где их застало пришествие богов. Вся площадь была буквально утыкана неподвижными почитателями, и в полной тишине, это было впечатляющим зрелищем.

Гало кивнул рогатой головой в сторону здания.

– Вон он, правитель, даже искать не пришлось.

По ступеням центрального входа спокойно спускался внушительных размеров торг. Он не трепетал, не замирал, как прочие, а довольно раскованно прошагал к самым ногам дракона.

– Что за приятная неожиданность! – Лицемерно воскликнул он, так что фальшь почувствовал даже Гроп. – Не удивляйтесь моей реакции, детские блоки снимают с торга, как только он становится правителем. Но, поверьте, внутри я ощущаю себя так же, как и они. – Он повел руками в сторону благоговеющего торгского народа.

Его выступление выглядело помпезно и театрально. Но что можно ожидать от торга, с которого сняли все детские блоки?

– Мы давно у вас не бывали, но привело нас к вам важное дело, – заговорил Гало, так чтобы его слышали окружающие.

– Нам выпало счастье помочь нашим богам! Чем мы можем быть полезны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.